

Автор бестселлеров А М А Z О Н . С О М
Б Р И Т Т А Н И Ш . Ч Е Р Р И

ЛЭНДОН И ШЕЙ

ВЛЮБИТЬСЯ ЗАНОВО

18+

Бриттани Ш. Черри
Лэндон и Шей.
Влюбиться заново
Серия «Freedom. Бриттани Ш. Черри.
Лучшая романтическая проза»
Серия «Шансы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69298966

*Лэндон и Шей. Влюбиться заново / Бриттани Ш. Черри ; [перевод с
английского П. И. Солдатовой].: Эксмо; Москва; 2023*

ISBN 978-5-04-187923-5

Аннотация

Новый трогательный, драматический и будоражащий роман.

Люди предостерегали меня, но я не слушала.

Мы были юными, глупыми и влюбленными. Нам было все
равно.

Чтобы уберечь наши чувства, мы стали тайной для других.

Сокровенные моменты, нежные прикосновения, скрытые
объятия.

Эта история жила до тех пор, пока наши судьбы не изменились
навсегда.

Парень, которого я любила, стал новой звездой Голливуда.

Его карьера расцвела, в отличие от моей.

Он добился огромного успеха, а меня поджидали многочисленные неудачи.

Он достиг желаемого, а мои мечты так и не сбылись...

В сказках любовь побеждает всё.

В реальности она только разрушает.

Я всегда знала, что Лэндон – часть моей истории.

Одна проблема. Не уверена, что он считает так же.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	60
Глава 5	86
Глава 6	98
Глава 7	108
Глава 8	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Бриттани Ш. Черри Лэндон и Шей. Влюбиться заново

*Любви,
которой дали второй шанс.*

Brittainy Cherry

LANDON & SHAY – PART TWO

Copyright © 2019. Landon & Shay Part Two by Brittainy Cherry. Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

The moral rights of the author have been asserted.

Freedom

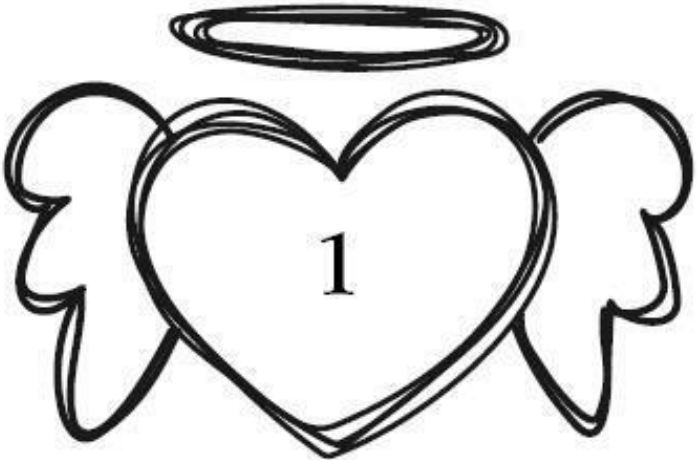
© Солдатов П. И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

*«Сильнейшие души рождаются из страданий,
величайшие из героев опалены шрамами».*

Халиль Джибран

Шей

Возраст: девятнадцать лет

Я часто думала о первом человеке, познавшем чувство любви.

Сразу ли он понял, что с ним происходит? Или, может, он принял любовь за сердечные боли? Был ли он счастлив? Печален? Была ли любовь взаимна или осталась безответной? Сколько времени ему потребовалось, чтобы полюбить? Сколько дней, месяцев, лет?

Был ли этот человек напуган?

Признался ли он первым или ждал признания от другого?

Любовь всегда была для меня сложной системой, потому что я видела слишком много ее нездоровых, испорченных форм. Но потом я встретила Лэндона и поняла, что любовь может возникнуть из ниоткуда. Я не могла и подумать, что однажды полюблю своего заклятого врага. Искренне верила в то, что единственным словом, описывающим наши отношения, было и будет – «ненависть». Но любовь проникла в мою душу, совершенно не заботясь о мнении разума. Единственное, что ее волновало, – то, как мое сердце билось ради Лэндона.

Любовь вихрем врывается в человеческую жизнь, не беспокоясь о времени, месте и обстоятельствах.

Любовь приходит – иногда желанная, иногда нет – и наполняет людей теплом, надеждой, сочувствием. А когда любимый человек уходит, вам остается лишь ждать его возвращения, затаив дыхание.

Прошло девять месяцев с тех пор, как Лэндон уехал, и по-

степенно все окружающие начали терять веру в то, что связывало меня и его.

Но мнение других людей меня не беспокоило – наша любовь жила.

– Думаю, у тебя есть полное право встречаться с другими парнями, – заявила Трейси после школы. – Это твои лучшие годы, а ты упускаешь возможность ходить на свидания просто потому, что ждешь человека, который, возможно, даже не думает возвращаться. Как долго ты собираешься его дожидаться?

Даже не знаю – может, примерно столько же времени, сколько до тебя доходило, что Реджи – придурок?

Впрочем, вслух я этого не сказала. Улыбнулась и позволила ей высказаться – моя вера в Лэндона оставалась достаточно сильной, чтобы не поддаваться влиянию чужого мнения.

– Не слушай Трейси, – сказала Рейн, когда мы остались наедине. – По-моему, то, что ты ждешь Лэндона, очень романтично, как будто вы оба в своем собственном фильме. *Когда найдешь себя, возвращайся ко мне.* – Она притворно потеряла сознание, прижав руку к груди. – Боже, вы двое прямо как из «Дневника памяти»¹. Он – твой Райан Гослинг, так что не обращай внимания на Трейси. Она понятия не имеет, о чем говорит.

¹ «Дневник памяти» (англ. The Notebook) – американская мелодрама 2004 года режиссера Ника Кассаветиса, экранизация одноименного романа Николаса Спаркса.

К сожалению, Трейси оказалась не единственной, кто с недоверием относился к нашим с Лэндоном отношениям. Моя мама думала точно так же, но я винила в этом ее собственную боль после расставания с отцом. Она не понимала, что пережитые тяготы сформировали между нами особую связь. Так же как и моя кузина. Элеонора до сих пор была уверена в том, что он изменил мне с той второкурсницей, и ненавидела его до глубины души.

Кроме Рейн, единственным человеком, который искренне верил в нашу историю любви, была моя бабушка. Мима все время спрашивала о Лэндоне – узнавала, как его сердце. Она верила в нашу необычную любовь, даже когда казалось, что весь остальной мир против нас.

– У каждого есть своя правда, Шеннон София, – произнесла Мима, качая головой. – Если у тебя длинные волосы, тебе скажут их обрезать. Если короткие – отрастить. Когда ты стройнеешь, тебя называют слишком худой, когда набираешь вес – толстой. Поверь мне, ты никогда не будешь счастлива, опираясь на мнения других людей. Кроме того, внимательнее относись к друзьям, умей отличать подлинную дружбу от фальшивки. Кто-то может называть тебя своим другом, но втайне желать тебе зла. Будь осторожнее с той девушкой, Трейси. Мне кажется, она склонна к зависти. С возрастом ты поймешь, что долгая история дружбы не всегда означает, что у нее есть будущее.

Мудрость от Мимы.

Я не обсуждала наши с Лэндонем отношения ни с кем, кроме Мимы и Рейн. Я позволила нашей любви оставаться тайной. Мы не утратили связь, хотя нас разделяло больше двух тысяч миль. Мы пообещали друг другу быть рядом, несмотря ни на что. Свой день рождения Лэндон собирался провести в моих объятиях либо весь день проговорить со мной по телефону – чтобы я точно знала, что его сердце все еще бьется. Я знала, как тяжело ему дается этот день, и не хотела оставлять его наедине со своими мыслями.

И это не было игрой в одни ворота. Всякий раз, когда я нуждалась в нем, он был рядом.

Время от времени мы созванивались, но Лэндон не был большим поклонником телефонных разговоров – впрочем, как и я. Эта причуда, по мнению Трейси, являлась одной из многих проблем в наших отношениях на расстоянии. Тем не менее нам это не мешало. Мне не нравилось держать телефон у уха и трещать в трубку, поэтому большую часть времени мы переписывались по электронной почте, но все же моим любимым способом общения оставались наши записные книжки.

Мы посылали друг другу блокноты— прямо как в старших классах. Из-за занятости нам удавалось обмениваться ими редко, раз в несколько недель, – по этой причине каждая посылка от Лэндона становилась для меня рождественским подарком, и я разворачивала ее, как величайшее сокровище.

Нашу любовь нельзя было назвать «традиционной», но

она была нашей.

И я поклялась сделать все возможное, чтобы пронести ее через всю нашу жизнь.

10 января 2004 г.

Цыпленок!

Лос-Анджелес... странный – странные деревья, странная погода, странные люди. На днях здесь пошел дождь, и для всех это стало настоящим концом света. Думаю, дождь здесь ни при чем. Приехав из Иллинойса, я чувствую себя экспертом по погоде. Минус пятнадцать градусов? Отлично – поедem кататься на сноуборде! Восемнадцать дюймов снега? Прекрасное время, чтобы слепить снеговика!

Но, честно говоря, мне здесь нравится. Приятно не загибаться от холода зимой, да и мама здесь кажется счастливее – как будто душой она принадлежит Калифорнии.

Итак, перейдем к моим личным новостям...

Я бессовестно подсел на конфеты. M&M's с арахисовой пастой стоило бы запретить, но, черт возьми, я счастлив, что это не так. Не удивляйся, если в нашу следующую встречу ты увидишь меня с животом Санта-Клауса. И это целиком и полностью твоя вина. К слову, если в следующей посылке ты пришьешь несколько банановых Лаффи Таффи, я не расстроюсь. В Калифорнии их нигде не найти.

Мой терапевт, конечно, не миссис Леви, но она неплохо справляется со своей работой. После того как мы приостановились,

новили наши сеансы, я чувствую себя вполне хорошо – думаю, это и было целью лечения. Так что я готов поделиться еще одной новостью: я в порядке. Я знаю, что ты беспокоишься, но я над собой работаю. Бывают дни, когда мне непросто, но в большинстве случаев я справляюсь. Терапевт говорит, что нужно внимательно относиться к каждой секунде. Секунда, в которую я это пишу, кажется вполне нормальной.

К слову! На днях один из маминых знакомых свел меня с агентом, и, кажется, они заинтересованы в том, чтобы со мной поработать. Не уверен, что из этого что-то выйдет, но, черт возьми, я определенно заинтригован.

Главные факты о Лос-Анджелесе: пристрастие к авокадо, близость к океану, мама и солнце.

Минусы Лос-Анджелеса: тебя здесь нет.

Я бы хотел выиграть в лотерею, чтобы получить деньги и увидеться с тобой.

Я скучаю по твоему лицу.

Я скучаю по твоему сердцу.

Черт. Я скучаю по тебе. Я так сильно по тебе скучаю, что бью себя каждый раз, когда понимаю, что упустил столько времени на то, чтобы тебя ненавидеть.

Я изо всех сил работаю над тем, чтобы стать достаточно хорошим и вернуться к тебе, но, черт возьми, мне бы так хотелось, чтобы мой разум исцелялся быстрее. Но ты и сама знаешь – я не могу спешить.

Твоя очередь. Расскажи мне обо всем, что у вас происходит.

Я люблю тебя, я люблю тебя.

Один раз – для твоего сердца. Второй – чтобы эти слова навсегда в нем отпечатались.

Сатана.

P. S. Как следует насладись упаковкой M&M's с арахисовой пастой, которую я приложил к блокноту.

P. P. S. Я не шутил насчет банановых Лаффи Таффи. Не подведи меня, Цыпа.

5 февраля 2004 г.

Сатана!

Тебе не следовало знакомить меня с M&M's с арахисовой пастой – это само воплощение греха. Кто знал, что грех может быть таким приятным на вкус? Почему это так и почему ты прислал мне только одну упаковку? Это довольно эгоистично – уверена, что ты цинично оставил все остальное себе.

В следующем году, когда начнется учеба в Висконсинском университете², Трейси, Рейн и я станем жить вместе. Ми-

² Висконсинский университет в Мадисоне – государственный исследовательский университет, расположенный в Мадисоне, штат Висконсин, США.

ма убеждена, что жить в одной комнате с двумя лучшими подругами – ужасная затея, но, думаю, все будет хорошо. Мы провели достаточно совместных ночевок, чтобы быть уверенными в том, что друг друга не поубиваем.

Я получила второе письмо от издательства – и снова с отказом. Думаю поместить его в рамку и повесить на стену! Разве можно достичь успеха без неудач, верно? По крайней мере, один из нас уже движется к своим мечтам. Я действительно горжусь тобой, Лэндон. Однажды ты станешь великим, а я – твоя самая большая поклонница.

Тебя ждет нечто грандиозное, малыш.

Главные факты о Рейне, штат Иллинойс: завтра у нас выпадет всего десять дюймов снега. Ура! Стряпня Мимы все так же остается пищей богов. Мама хорошо справляется с разбитым сердцем, хотя иногда плачет. Моя кузина Элеонора, кажется, без ума от Грейсона – с тех самых пор, как они встретились на той вечеринке летом. Мне нравится видеть ее счастливой – тем более что она переживает из-за болезни мамы.

Минусы Рейна, Иллинойс: тебя здесь нет.

Я люблю тебя. Дважды.

Цыпа.

P. S. Пришли. Большие. Шоколада.

P. P. S. Вчера я купила пять лотерейных билетов. Пока я ничего не выиграла, но когда выиграю, то сразу же куплю билет и приеду к тебе.

1 мая 2004 г.

Сатана!

Сегодня было тяжело. Наверное, это один из самых тяжелых дней в моей жизни. Сегодня мы попрощались с моей тетей Пейдж, и я не могу перестать думать о том, что она ушла слишком рано. Я бы хотела, чтобы тебе представилась возможность с ней познакомиться. Она озаряла всех своим светом. Ей удавалось заставить сиять даже самые темные из дней. Она любила искусство. Она любила детей. Она любила свою семью.

Боже, она так любила свою семью.

Я знаю, что Элеоноре понадобится много времени, чтобы смириться с ее потерей, и сегодня я буду рядом. Я буду поддерживать ее, как только смогу. Грейсон тоже не оставит ее одну. Ты не ошибся с выбором лучшего друга. Мы останемся здесь еще на две недели, а потом вернемся обратно в Иллинойс. Мне придется быть очень сильной. Я должна поддерживать Элеонору и дядю, потому что знаю – случившееся их сломало.

Потом, когда я вернусь домой, я дам себе возможность выплакаться. Я так любила тетю Пейдж. Я любила ее очень, очень сильно, и мне невыносимо больно думать о том, что ее больше нет. Это несправедливо. Мима молится за нее и говорит, что Пейдж давно ждали на Небесах, но мне тяжело в это верить.

Несправедливо, что Бог забирает к себе лучших – тех, кого мы любим сильнее всего. Сегодня я не могу писать о хороших моментах. Только о плохих.

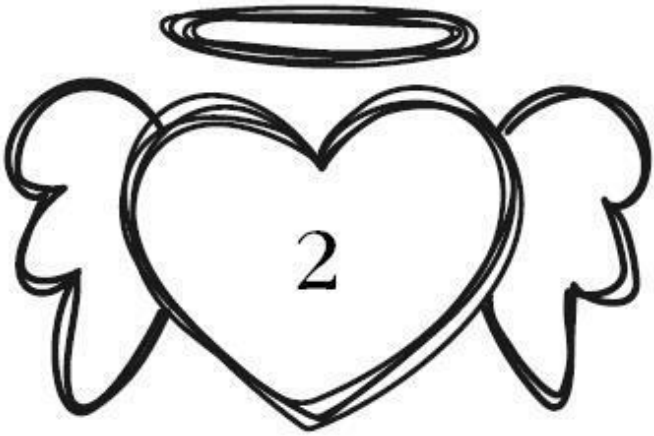
Я бы хотела тебя обнять. Я знаю, что это эгоистично и глупо, но, черт возьми, я так скучаю по твоим объятиям. Я отчаянно нуждаюсь в них прямо сейчас.

Сегодня было тяжело.

Может, завтра будет лучше.

Цыпа.

Глава 2

Шей

Возвращаться с мамой в Иллинойс было нелегко. Смерть тети Пейдж оставила зияющую пустоту в моей душе. Когда мы вернулись в квартиру Мимы, все виделось таким мрачным. Казалось, в мире не существует подходящих слов, кото-

рые могли бы облегчить ситуацию. Тем не менее Мима приготовила ужин, и мы провели вечер за одним столом, прежде чем разойтись по комнатам.

Я сидела в своей спальне, когда раздался звук СМС.

Лэндон: Ты добралась до дома?

Шей: Да, все в порядке.

Лэндон: Как твое сердце?

Я закрыла глаза.

Шей: Страдает.

Лэндон: Прости, Цыпленок.

Спустя несколько секунд пришло еще одно сообщение:

Лэндон: Встретимся у ив?

Шей: ЛОЛ. Если бы.

Лэндон: Нет, правда. Я в городе. Встретимся у ив.

Больше он ничего не сказал, и этого было достаточно. Всего лишь три слова заставили мой мир перевернуться.

– Мима! – закричала я, выбегая из спальни и на бегу натягивая кроссовки. – Могу я одолжить твою машину?

Она сидела в гостиной и занималась йогой – думаю, в ее возрасте быть настолько гибкой противоречит всем законам

природы.

– Нет. Уже поздно, и ты едва стоишь на ногах после поездки.

– Но...

– Никаких «но». Не вижу никакого убедительного предложения, чтобы соглашаться на эту авантюру, и...

– Лэндон вернулся в город, – выпалила я.

Поверьте, в любой другой ситуации я бы никогда не перебила бабушку, но я точно знала, что эти слова заставят ее передумать.

Она встала с пола и приподняла брови:

– Он вернулся?

– Да. Не знаю, надолго ли, но он попросил меня с ним встретиться.

– Передавай ему привет, – ответила она без малейшего колебания.

– Будет сделано.

Я схватила ключи от машины со стола и поспешила к двери. Уже на полпути по коридору Мима меня окликнула:

– Подожди, Шей! Подожди!

Я обернулась и увидела, что она спешит ко мне с контейнерами в руках.

– Вот, отдай ему это. И передай, что я его люблю.

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку, в то время как в моем животе порхали бабочки.

Крепко сжав руль руками, я ехала к двум ивам в парке

Хэдли. Солнце уже зашло, случайные ночные тени плясали меж деревьев. Я мчалась сквозь них, и мое сердце колотилось так сильно, что я была уверена: еще несколько секунд и оно вырвется из моей груди. Добравшись до места встречи, я замедлила шаг.

Он стоял спиной, засунув руки в карманы.

Даже тогда он был таким красивым.

– Эй, Сатана, – тихо позвала я, и мой голос прозвучал куда более нервно, чем я ожидала.

Меня переполняли эмоции, но в тот момент, когда он повернулся ко мне лицом и его губы изогнулись в улыбке, обнажая ямочку на левой щеке, все мои переживания улетучились. Осталось только счастье.

– Привет, Цыпа.

– Что ты здесь делаешь?

Он пожал плечами и потер затылок:

– Ты сказала, что нуждаешься в объятиях. Я знаю, что немного опоздал, но...

Я прервала его, потому что больше не могла ждать. Бросившись к нему, обхватила руками его тело и притянула к себе. Он мгновенно прижал меня в ответ, уткнувшись головой в мою шею и жадно вдыхая мой аромат, пока я наслаждалась его одеколоном, пахнувшим жженым деревом. Боже, я так скучала по его запаху. Скучала по его объятиям. Скучала по нему. По каждому кусочку, каждому дюйму, каждому вздоху.

– Мне так жаль, Шей, мне так жаль, – прошептал он.

Слезы покатались из моих глаз, когда я наконец смогла выпустить всю свою боль, зная, что он меня не оставит.

– Она была чудесной, – пробормотала я. – Она была одна на миллион.

– Не сомневаюсь.

Горько усмехнувшись, я немного отстранилась, изучая его лицо. Смотрела на него, восхищаясь, как гордый родитель на утреннике у ребенка. Положив руку ему на щеку, не могла перестать глупо улыбаться. Я была счастлива, так, так счастлива – мне казалось, что такое возможно испытать только раз в жизни.

Это воссоединение так много для меня значило – Лэндон вернулся, просто чтобы обнять меня, когда я так в этом нуждалась.

– Как твое сердце? – спросила я, касаясь его носа.

Он улыбнулся.

– Все еще бьется, но я здесь, чтобы узнать о твоем сердце. Мы можем пойти в мою машину, – предложил он, кивнув в сторону дорожки, ведущей к парковке. – Я просто хотел снова увидеть эти деревья вживую. Сегодня слишком холодно, чтобы оставаться на улице.

Я не возражала. Честно говоря, он мог сказать: «*Пойдем ограбим банк, а потом поедим тако*»³, и я бы тут же согла-

³ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни из кукурузной или пшеничной лепешки с разнообразной начинкой.

силась.

Куда бы он ни шел, я была готова следовать за ним.

Мы направились к его взятой в аренду машине и сели внутрь. Я чувствовала исходящее от него тепло, которое охватывало и наполняло меня.

– Я скучал по тебе, – сказал он, и в моем животе тут же взметнулись бабочки.

– И я скучала. Как твои дела? Как Калифорния? Как ты? Последний вопрос – самый важный.

Он улыбнулся своей нежной улыбкой и провел пальцем по переносице.

– Все в порядке. Много дел, но я справляюсь. Я часто встречаюсь с терапевтом, чтобы не сбиваться с пути. Сейчас мы подбираем мне подходящие препараты. Все идет нормально. Я очень скучаю по тебе и всем остальным, но знаю, что сейчас это лучшее решение.

– Хорошо, – вздохнула я, почувствовав огромное облегчение.

Он в порядке. Он выглядит нормально. Нет, он выглядит лучше, чем нормально. Он выглядит чертовски привлекательно.

– Как твоя мама?

Он улыбнулся еще шире:

– Прекрасно. Все это время она была моей главной опорой. И я рад, что тоже смог поддержать ее во время неразберихи с разводом и всего, через что ее заставил пройти мой

отец. Я не понимаю, как он может быть настолько жестоким. Мама всегда относилась к нему хорошо, и, думаю, когда-то они были по-настоящему влюблены. Я не могу представить, как можно поступать так с человеком, который когда-то был всем твоим миром. В такие минуты начинаешь задумываться о том, что любви не существует вовсе.

Я нахмурилась:

– Моей маме тоже непросто дался развод, но они очень сильные. Они справятся.

Он кивнул:

– Да. Твоя мама сильная, это точно. Я почти уверен, что она до чертиков меня ненавидит, но все же она по-настоящему сильная. Она со всем справится. И моя мама тоже. Не существует трудностей, способных ее сломить.

– В этом вы с ней похожи.

Он потянулся ко мне и взял меня за руки.

– Хочешь поговорить о ней? – спросил он низким и мрачным тоном. – О твоей тете?

– Это непросто. Когда я думаю о раке, мне становится слишком грустно. Слова застревают в горле, и я не могу выдать ни звука. Было невыносимо видеть то, как она боролась за жизнь в последние несколько месяцев.

– Тогда давай не будем говорить об этих месяцах. Расскажи мне, какой она была до болезни.

– Что именно ты хочешь узнать?

Он улыбнулся и заправил выбившуюся прядь волос мне

за ухо.

– Все.

Мы провели в машине несколько часов, смеясь, вспоминая тетю и обнимая друг друга. Какое-то время мы просто сидели молча. Молчать с Лэндоном было так легко и спокойно. Если бы нам пришлось просидеть в тишине всю оставшуюся жизнь, я бы знала, что мне будет комфортно – просто потому, что это Лэндон.

Я устроилась у него на коленях, а он обнял меня и крепко прижал к себе. В этом не было ничего сексуального. Наши тела касались друг друга, а я уткнулась в его шею и закрыла глаза. Я могла бы уснуть прямо здесь и сейчас, и моим главным желанием было проснуться в том же месте.

– Ты выиграл в лотерею? – спросила я спустя четыре часа.

Он хихикнул:

– Нет, я просто должен Грейсону большую сумму.

– Он заплатил за то, чтобы ты приехал?

– Ага. Наши с мамой дела обстоят довольно туго, а отец полностью обрубил все мои финансы. Однако Грейсон согласился мне помочь. Он знал, что для меня значит приехать к тебе – то же, что для него означает приехать к Элеоноре.

– Боже, он такой хороший.

– Лучший. Миру нужно больше таких людей, как Грейсон
Ист.

Я вздохнула, еще ближе прижимаясь к его шее.

– Как думаешь, им не помешает то, что Элеонора во Фло-

риде, а он уезжает в колледж?

– Надеюсь, что нет. Я действительно желаю им счастья. Я никогда не видел, чтобы Грейсон так сильно и искренне о ком-то беспокоился. Кроме того, я верю, что настоящая любовь всегда обречена на счастливый финал.

Я хмыкнула:

– Кто бы мог подумать, что сам Сатана окажется таким романтичным?

– Что я могу сказать? Я встретил девушку, которая изменила мои взгляды на жизнь и любовь.

– Я так действую на людей, – пошутила я. – Я почти не говорю о наших отношениях с другими. Трейси сказала, что с моей стороны глупо находиться в подвешенном состоянии и упускать свою молодость.

– Ну, все мы помним, что Трейси встречалась с Реджи, так что ее мнение не в счет. – Он посмотрел мне в глаза и нахмурился: – Но иногда я беспокоюсь, что мне нужно слишком много времени, чтобы разобраться в себе... я боюсь осознать, что не смогу стать тем человеком, которого ты заслуживаешь.

– Я сказала тебе не торопиться, Лэндон.

– Да, но... черт. – Он выдохнул. – Это сложнее, чем я думал.

– Поговори со мной. Расскажи, через какие трудности тебе приходится проходить.

– Это трудно объяснить. Как будто я пытаюсь разложить

по полочкам свой собственный испорченный мозг. Он доверху забит коробками с хламом без малейшего намека на порядок. Там так много дерьма, в котором нужно разобраться, и каждый раз, когда я справляюсь хотя бы с одной коробкой, тут же обнаруживается другая. Несколько дней стабильного прогресса, и бац! Паническая атака, и я чувствую, что снова вернулся к началу. Хуже всего то, что во время панической атаки я корю себя за то, что ее допустил. Ругаю себя, потому что я должен был пройти этот этап, оставить его позади. Стать сильнее. Итак, случается паническая атака, я виню себя за то, что ее допустил, а затем она нарастает и становится все хуже и хуже. – Он провел рукой по лицу и покачал головой: – Дерьмо. Звучит чертовски удручающе, но сейчас я занимаюсь именно этим – перекладываю и сортирую хлам в своей голове. Мне стыдно, что я заставляю тебя ждать. Шей, я люблю тебя, но тебе не обязательно это делать. Я не знаю, сколько времени это займет.

– Ты готов ждать меня?

– Сколько угодно, – ответил он без малейшего колебания.

Я знала, что он говорит правду.

Знала, что это – навсегда.

Я коснулась ладонями его щек и наклонилась, чтобы легко поцеловать его в губы. Никакого языка, никакого давления – просто нежный поцелуй, наполненный моей любовью.

– Я буду ждать, – поклялась я.

– Как долго?

– Столько, сколько потребуется.

– Боже, Цыпа... – пробормотал он, прижавшись своим лбом к моему и закрыв глаза. – Я вернулся сюда, чтобы ты почувствовала себя лучше, а вместо этого ты осчастливила меня. Как ты это делаешь? Как тебе удастся делать мою жизнь лучше?

– Мы оба это делаем. Мы делаем друг друга лучше, даже не пытаясь. Думаю, это и есть любовь. Любовь – исцеление, которое дается всякий раз, когда ты рядом с нужным человеком.

На этот раз он поцеловал меня сильнее. Я ответила на поцелуй с той же страстью, прикусив его нижнюю губу и позволив его языку ласкать мой.

– Уже поздно, – произнес он, немного отстранившись. – Ты должна вернуться домой до того, как твоя мама и Мария начнут волноваться. Я заметил, что ты игнорируешь их сообщения.

Я нахмурилась:

– Мне нужно уйти?

– Да, но я буду здесь еще два дня, так что, если захочешь...

– Да, – перебила я. – Что угодно, когда угодно, где угодно, да. Я хочу, чтобы все оставшееся время ты провел со мной.

Он поцеловал меня в лоб.

– Я бы никогда не сделал иначе. Прежде чем ты уйдешь, я хочу кое-что тебе подарить.

Я уселась на пассажирское кресло и заправила волосы за

уши.

– Не стоило ничего мне привозить.

– Тем не менее я это сделал.

Он потянулся к заднему сиденью машины и вытащил целый букет из восхитительных, изысканных, умопомрачительных M&M's с арахисовой пастой.

Мои губы растянулись в широкой улыбке – самой широкой за последние несколько дней.

– Я не смог найти пионы, поэтому решил, что это – лучшее решение, – объяснил он.

Я снова поцеловала его, не в силах поверить, что кто-то в здравом уме мог считать наши с Лэндоном отношения безнадёжным случаем.

– Это самое прекрасное, что я когда-либо видела. У меня тоже есть кое-что для тебя. Вернее, это не совсем от меня, но... Одну секунду.

Я выскочила из его машины и подбежала к своей, чтобы достать контейнеры с едой от Мимы. Как только Лэндон их увидел, его глаза загорелись и он пулей вылетел из машины.

– От твоей бабушки?! – воскликнул он, забирая контейнеры у меня из рук.

Я рассмеялась:

– Как ты узнал?

– Ты шутишь? Я никогда не забуду контейнеры Мимы!

Он открыл один и влез туда пальцами, как первобытный человек, одичало запихивающий в рот картофельное пюре.

– Чееерт, – простонал он, начисто вылизывая пальцы.

– Надеюсь, ты будешь стонать так же, когда попробуешь на вкус меня, – небрежно заявила я.

Это привлекло его внимание. Его брови приподнялись – как и, вероятно, другая часть его тела.

– Повтори-ка?

Я наклонилась и поцеловала его в щеку:

– Спокойной ночи, Лэндон.

Направилась к своей машине, и он застонал:

– Что? Нет. Ни хрена. Ты не можешь сказать что-то подобное и просто уйти, Шей!

– Я должна. Ты сам сказал – уже поздно. Именно ты решил уведомить меня о времени, так что не жалуйся.

– К черту время – у нас впереди вся ночь!

– Напиши мне завтра, когда будешь готов.

– Сейчас час ночи, Цыпа, завтра уже наступило, так что мы могли бы начать прямо сейчас.

Я почувствовала, как в животе разливается тепло, и проскользнула на водительское сиденье своей машины. Опустив окно, высунула голову и повернулась в сторону Лэндона:

– Увидимся.

– Ты меня убиваешь, Смоллс⁴, – пробормотал он, положив контейнеры с едой на пассажирское сиденье – он пристегнул их ремнем безопасности – и направляясь к моему

⁴ You're killing me, Smalls – цитата из фильма «Площадка» 1993 года, ставшая крылатой и выражающая раздражение действиями другого человека.

окну. Наклонившись ко мне, он улыбнулся той самой улыбкой, которая всегда сводила меня с ума: – Прощай, прощай, а разойтись нет мочи! Так и твердить бы век: спокойной ночи, – процитировал он, наклоняясь и целуя меня в губы. – Я напишу утром.

– Договорились.

Он пошел к своей машине и уже у дверей автомобиля снова повернулся ко мне:

– Кстати, Цыпа.

– Да?

Его голубые глаза сверкнули, а губы изогнулись в усмешке:

– Я люблю тебя – дважды.

Глава 3

Лэндон

Если однажды Грейсону понадобится почка, я без размышлений отдам ему одну из своих. Черт, я бы отдал ему даже обе. Тот факт, что он помог мне приехать в Иллинойс ради встречи с Шей, имел для меня огромное значение. С

каждым днем я чувствовал, что разочаровываю ее все больше и больше, что недостаточно для нее хорош. Я ночь за ночью лежал без сна, мучаясь от того, что не могу быть рядом с ней и дать ей ту любовь, в которой она нуждается и которую заслуживает.

Я часто думал о том, что через несколько месяцев она поступит в колледж, и о том, что не хочу мешать ей жить полной жизнью. Были времена, когда мой разум пытался убедить меня в том, что я не могу быть полноценным, не могу обеспечить нормальную любовь, которой достойна такая девушка, как Шей, но потом... я ее увидел.

Я ее почувствовал.

Невероятная сила притянула нас друг к другу, и это лучшее чувство в моей жизни – ощущение того, что я могу заключить ее в свои объятия, когда она в этом нуждается. Нет ничего прекраснее, чем чувствовать себя нужным. Словно у моего присутствия в этом мире появилась настоящая причина, и эта причина заключалась в том, чтобы помогать другим.

Я собирался сделать все возможное, чтобы помочь маме. Она часто плакала перед сном – из-за развода и из-за того, как папа выжимал из нее все до последнего цента.

Пока Шей была на уроках, я отправился в Чикаго – в юридическую фирму отца. Я не разговаривал с ним с тех пор, как мы с мамой переехали в Лос-Анджелес. Он не пытался выйти на связь, поэтому и я не видел причин проявлять инициативу. Когда дело дошло до выбора родителя, с которым

я останусь, я целиком и полностью был за маму.

Я зашел в офис, чувствуя себя инопланетянином, впервые оказавшимся на Земле. Я не мог поверить, что провел там столько времени, перебирая документы и пытаюсь заставить отца хоть немного мной гордиться.

Я кивнул Эйприл – папиной помощнице, которая сидела возле его кабинета.

– Привет, Эйприл. Я хотел бы поговорить с отцом.

Она нахмурилась:

– Извини, Лэндон. Следовало заранее назначить встречу. Мистер Харрисон сегодня занят. Попробуй зайти на следующей неделе.

Она снова принялась щелкать пальцами по клавиатуре.

– Да, но, видите ли, я уезжаю из города меньше чем через двое суток. Я надеялся встретиться с ним, прежде чем вернуться в Лос-Анджелес.

Она подняла глаза и снова посмотрела на экран своего компьютера.

– Очень жаль. Это невозможно. Он занятой человек.

У меня не было времени на последующие выяснения, поэтому я проигнорировал ее и направился прямо к двери папиного кабинета.

– Эй! Ты не можешь туда идти! – крикнула Эйприл, вскочив с кресла и пытаясь меня остановить. Но я уже вошел внутрь.

Он сидел, нахмутив густые брови, и разговаривал по теле-

фону. Подняв на меня глаза, он поморщился и отмахнулся.

– Прости, Ральф. Я говорила ему тебя не беспокоить, – оправдывалась Эйприл, извиняясь за мое вторжение.

С каких это пор Эйприл стала называть своего босса по имени?

Папа сурово посмотрел на меня и указал на дверь.

Вместо этого я сел перед ним.

– Ты не можешь этого делать, – прошептала Эйприл.

– Как видишь, могу. Уходя, закрой дверь, ладно, Эйприл? – попросил я, скрестив руки на груди и устраиваясь поудобнее.

Папа что-то проворчал себе под нос, прежде чем вернуться к телефонному разговору.

– Мистер Джейкобсон, прошу прощения, но в офисе появилось неотложное дело, с которым мне нужно разобраться, поэтому, если вы меня извините, я хотел бы перенести наш разговор на более позднюю дату. – Он сделал паузу. – Да. Конечно. Я попрошу Эйприл связаться с вашим помощником. Спасибо. До свидания.

Он повесил трубку и нахмурился, как Скрудж⁵.

– Уходя, закрой дверь, Эйприл.

Она без возражений выполнила его приказ. Держу пари, отцу это нравилось – иметь рядом ту, которая никогда не пойдет против него только потому, что он подписывает ей

⁵ Эбенезер Скрудж – персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», скупердый и брюзга.

чеки.

– Что тебе нужно, Лэндон? – спросил он, исподлобья глядя в мою сторону.

– Я тоже рад тебя видеть, папа.

– У меня нет времени на пустые разговоры, парень. Переходи к сути дела или уходи.

– Я здесь из-за мамы. Ты действительно над ней издеваешься, и я хотел узнать, не могли бы мы прийти к соглашению. Было бы славно раз и навсегда покончить со спорами по поводу развода и не оставлять ее без гроша в кармане.

– Твоя мать знала, во что ввязывается, когда соглашалась выйти за меня замуж. Все это было в брачном договоре, который она с радостью подписала.

– Потому что она любила тебя, папа. Она подписала его, потому что любила тебя и хотела быть с тобой.

– Да, но ей следовало подумать наперед. Теперь ей предстоит разбираться с последствиями развода.

– Она едва сводит концы с концами, оплачивая адвоката. Ты не можешь помочь ей хотя бы с этим? Или просто прекратить судебные разбирательства? У тебя достаточно денег, чтобы положить всему этому конец.

– Я отказываюсь платить за услуги адвоката твоей матери. Она взрослая женщина и в состоянии позаботиться о себе самостоятельно. Я не виноват, что она не умеет обращаться с деньгами. Ей следовало заниматься карьерой, а не нянчиться с тобой, как с чертовым младенцем. Это ее личные пробле-

мы. У любого жизненного выбора есть последствия, парень, и теперь твоей матери приходится иметь с ними дело.

– Как можно быть таким жестоким? Ведь когда-то ты ее любил. Ты должен был ее любить, раз на ней женился.

– Люди меняются, и твоя мать – яркий тому пример.

– Что она тебе сделала?

Он снова нахмурил брови и сцепил руки:

– Не мне, Лэндон. Тебе. Она нянчилась с тобой. Она нянчилась с тобой всю жизнь, сделав тебя таким, какой ты есть.

– Каким? Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

– Слабым. Она сделала тебя слабым – она и ее чокнутый братец.

Каждый волосок на моем теле встал дыбом, когда он упомянул Ланса. Я схватился за край стула, костяшки пальцев побелели.

– Ланс не чокнутый. Он был нездоров. Он был болен.

– Чушь собачья, – фыркнул папа, вскинув руки. – Твой дядя был ребенком, который слетел с катушек, потому что не мог понять, как удержаться на чертовой работе и устроить свою жизнь. Он был наркоманом и манипулировал жалостью твоей матери, чтобы она привела его в наш дом. Он был воплощением слабости, а твоя мать позволила ему на тебя влиять. Не следовало разрешать тебе находиться рядом с этим психом и его жалкими проблемами.

Слова, слетевшие с его уст, вызвали у меня желание перепрыгнуть через его стол и ударить его по лицу. Ланс не был

психом – он боролся со своим сознанием. То, что он не мог найти свое место, не делало его слабым. Как отец посмел изобразить его в таком свете? Ланс был большим мужчиной, чем он сам. К сожалению, депрессия поглотила его быстрее, чем он сумел найти выход.

– Посмотри на себя, Лэндон. Какого черта ты делаешь со своей жизнью? Нет образования. Нет целей. Нет будущего. Ты идешь прямо по стопам этого неудачника, а твоя мать ведет тебя туда же, куда вела его. Я не удивлюсь, если в один день ты тоже окажешься под землей.

Озноб пробежал по моему телу, кислота комом подкатила к горлу. Как он мог такое сказать? Как он мог сказать, что не удивится, если я умру, как Ланс?

– Я чертовски тебя ненавижу, – выплюнул я, чувствуя, как с каждым новым словом в моем животе нарастает ярость.

Как человек может быть таким жестоким?

На его лице не промелькнуло ни намек на раскаяние. Он не чувствовал вины из-за своих слов и даже не осознавал, что перешел черту.

Казалось, он доволен собой и гордится тем, что сумел ударить меня по больному. Откинувшись на спинку стула, он скрестил руки на груди.

– Ты ненавидишь меня, потому что я не нянчусь с тобой, как твоя мать. Это называется жесткой любовью, Лэндон, и кто-то должен сказать тебе правду. В этом мире ты никогда не добьешься успеха без надежного костяка и толстой кожи.

Люди будут втоптывать тебя в грязь, а не кормить из бутылочки, как твоя мать. Сейчас тебе девятнадцать лет, и пора начинать вести себя в соответствии с возрастом.

– А когда ты начнешь вести себя в соответствии с возрастом? – рявкнул я в ответ и стиснул зубы.

– Я уже это делаю, Лэндон. Я взрослый мужчина, который занимается своим делом. Я понимаю, что мать нянчится с тобой, и, уверен, что в твоей жизни есть люди, которые поступают так же, но так будет не всегда. В какой-то момент они устанут от тебя и больше не будут мириться с твоими глупостями. Терпение тех, кому небезразлична твоя плачевная судьба, не вечно, и, поверь мне, оно иссякнет быстрее, чем ты думаешь. Сколько людей стояло у могилы Ланса после его смерти? Практически никто. Люди не задерживаются с такими, как Ланс, и с такими, как ты. Так что смирись с этим, будь мужчиной и измени то, кем ты являешься и как ты живешь. В противном случае ты останешься несчастным и покинутым и проведешь жизнь, цепляясь за юбку матери.

– Прийти сюда было гребаной ошибкой, – пробормотал я, вставая со стула. – Я забыл, что ты за человек.

Он невозмутимо начал что-то печатать на своем компьютере.

– Хорошо. Уходя, закрой дверь.

Я был уже у двери, когда снова услышал голос отца:

– Я рассмотрю оплату счетов твоей матери только в одном случае.

– В каком?

– Ты пойдешь в юридическую школу, как мы и планировали. Можешь работать здесь по выходным и вернуть свою жизнь в правильное русло.

– Я не собираюсь этого делать.

– Тогда твоей маме придется разбираться самой. Не возвращайся, пока не будешь готов стать настоящим мужчиной. Пока ты продолжаешь вести себя как ребенок, я не хочу иметь с тобой ничего общего.

– Я сюда не вернусь, – поклялся я. – И я больше никогда не хочу тебя видеть. В следующий раз увидимся на твоих чертовых похоронах, – пробормотал я.

– Или на твоих, – парировал он, и его слова были покрыты зловещей ненавистью.

Я не мог поверить, что моя мать могла полюбить такого человека, как он.

Я вышел из кабинета, чувствуя себя полностью разбитым, злым и несчастным – очень несчастным. Не потому, что мой отец оказался чертовым монстром, а потому, что я был не в состоянии помочь маме.

Она нуждалась в отдыхе, а я понятия не имел, как облегчить ей жизнь.

Сидя в машине возле офиса, я крепко сжал руль и сделал несколько глубоких вдохов. Сердце бешено колотилось, и я пытался остановить нарастающую панику, в то время как слова отца снова и снова всплывали в моей памяти.

Я не удивлюсь, если в один день ты тоже окажешься под землей.

– Я не такой, я не такой, я не такой, – повторял я сквозь почти сомкнутые губы.

Я не был слабым ребенком, каким меня считал мой отец. Я не был моим дядей. Я был измучен, но не сломлен.

Держась за руль, я всеми силами пытался вырваться из темноты. Мне удалось выровнять дыхание и вернуть пульс к нормальному ритму. Всего несколько месяцев назад не получилось бы. Разговор с отцом вырвал бы меня из жизни на несколько часов.

Сейчас это отняло у меня минуты.

*

– Он действительно это сказал? – спросила Шей, сидя на моей гостиничной кровати.

Она пришла ко мне сразу после школы, и я заказал нам пиццу.

– Ага. Он сказал, что я закончу так же, как Ланс, – в могиле, потому что я слабый.

– Что за чудовище, – вздохнула она, покачав головой. – Не понимаю, как отец может сказать что-то настолько жестокое своему собственному ребенку.

– Он называет это «жесткой любовью».

– Я бы назвала это откровенной ненавистью. Надеюсь, ты в это не веришь, Лэндон. Надеюсь, ты знаешь, что все его слова – ложь. Ты один из самых сильных людей, которых я

знаю. Твоя уязвимость – это то, что делает тебя сильным, и мне жаль, что твой отец все это наговорил.

– Я просто злюсь, что не могу помочь маме, вот и все.

Шей начала промокать пиццу салфеткой.

Я приподнял бровь:

– Что ты делаешь?

– Вытираю масло. Говорят, что это может сэкономить до пятидесяти калорий на каждый ломтик.

– Звучит как полный бред.

Она пожала плечами:

– Не знаю, но я сделаю все возможное, чтобы сэкономить несколько калорий.

– С каких это пор тебя волнует подсчет калорий?

– Хм, с тех пор, как из-за стресса я набрала десять фунтов.

Я не могу пойти в колледж в таком виде, потому что первокурсницы будут тыкать в меня пальцем, так что с некоторых пор я на диете.

Я уставился на нее как на сумасшедшую, потому что ее слова звучали безумно.

– Тебе не нужно сидеть на диете, Шей.

– Нужно.

– Получается, от конфет ты тоже отказалась?

Она толкнула меня в плечо:

– Не говори глупости.

Улыбнувшись, я поставил коробку с пиццей на стол. Затем потянулся к Шей и усадил ее к себе на колени.

– Я люблю каждый твой дюйм и каждый твой изгиб.

Ее губы изогнулись в чертовски милой улыбке:

– Даже если моя задница превратится в умпа-лумпу?⁶

– Черт возьми, да. Я не знаю, в курсе ли ты, но я считаю себя настоящим ценителем задниц. Я бы с радостью зарылся лицом в твою умпа-лумпу до самой шоколадной фабрики.

– Фу, – она поморщилась и хихикнула, ерзая бедрами на моих коленях. – Звучит как отсылка к какашкам.

– Ради тебя я бы отправился в шоколадный лес, – пошутил я.

– Лондон!

– Чтобы попробовать твои «Тутси Роллс»⁷.

– Боже мой. После переезда в Калифорнию ты стал странным.

– Я всегда был странным. Ничего нового.

Она поморщила нос и кивнула:

– Это правда. Ты съел туалетную бумагу из задницы другой девушки.

– Там не было бумаги! – Я сурово наставил на нее указательный палец: – Эй, а помнишь тот день, когда ты погладила мою голову вместо... головки?

Я ухмыльнулся, вспомнив ее первую попытку подрочить

⁶ Умпа-лумпы (*англ.* Oompa-Loompas) – вымышленное племя пигмеев из произведения «Чарли и шоколадная фабрика» Роальда Даля.

⁷ Tootsie Roll – ириска со вкусом шоколада, которая производится в Соединенных Штатах.

руками. Боже, я так полюбил эту девушку. Полюбил ее невинность, ее смех, ее неудачи, ее любовь.

– Замолчи. Чтобы ты знал, я работаю над своей техникой. Я тренировалась.

Мои брови взлетели вверх:

– С кем это?

– О, ну, знаешь. С Рэнди, Джейсоном, Джоном, Генри... Уолтером, Ником. В общем, с любым парнем, который встречался на моем пути, – сообщила она.

Я положил руку ей на поясницу и притянул ближе к себе, прижав ее к своей груди.

– Пытаешься заставить меня ревновать, Цыпа?

– А что? У меня получилось? – спросила она, закусив нижнюю губу.

– Может быть – совсем немного.

Она улыбнулась и наклонилась ближе, прижавшись к моим губам.

– Ты, только ты, – прошептала она, прежде чем меня поцеловать.

Ее руки опустились мне на грудь, и я надеялся, что она знает – мое сердце бьется только для нее.

– Тем не менее я изучила несколько новых техник. Рейн заказала мне... игрушку через телемагазин.

Мой интерес пробудился:

– Игрушка, да?

– Не воодушевляйся слишком сильно. Такую же она зака-

зала для своей бабушки, потому что ее дед больше не такой дикий жеребец, как прежде.

– Хорошо, добавим эту информацию к списку вещей, которые мне не следует знать, особенно о бабушке моей лучшей подруги. Я постараюсь больше никогда в жизни об этом не вспоминать.

– Чтобы ты знал, для пожилых людей совершенно нормально вести половую жизнь. Ты в курсе, что они являются второй по численности возрастной группой, наиболее подверженной риску ЗППП?⁸

– Такое ощущение, что ты пытаешься меня предостеречь. Она хихикнула, и, черт возьми, я бы отдал все, чтобы слышать этот звук до конца своих дней.

– Хорошо, извини. Вернемся к игрушке. Видишь ли, с ее помощью я научилась кое-каким движениям, – объяснила она, мягко покачиваясь у моей промежности. Ткань ее платья касалась моих джинсов, создавая приятное трение.

Что за черт? Я же знал, что не стоит надевать джинсы рядом с этой девушкой.

Черт, ладно.

– Что еще ты узнала?

– Ну... это.

Она приподняла платье, прижавшись трусиками к моему паху. Они были красными, кружевными и совершенно идеальными, и, черт возьми, я мечтал только о том, чтобы за-

⁸ ЗППП – заболевания, передающиеся половым путем.

рыться в них лицом, прежде чем сорвать их прямо с ее тела. Она начала вращать бедрами из стороны в сторону. Раскачиваясь на моем вставшем члене, она сводила меня с ума.

– Это называется восьмерка.

Я закрыл глаза, пока она продолжала двигать своими гипнотическими бедрами.

– Я уже обожаю восьмерку.

– Думаю, тебе стоит снять джинсы.

Это все, что ей нужно было сказать, – через секунду я уже отшвырнул их в сторону. Она сняла платье, оставшись в красных трусиках, которые я собирался сорвать, и в таком же лифчике, который я готовился расстегнуть при первой же возможности. Когда я вернулся к кровати, она снова забралась ко мне на колени и продолжила выполнять восьмерку – черт возьми, я действительно не зря снял штаны.

Ее промежность двигалась вверх и вниз по моему члену, пока я крепко сжимал руками ее задницу. Ее попка была безупречной, но я поклялся, что буду хотеть ее, даже если она действительно превратится в умпа-лумпу. Ее груди оказались прямо перед моим лицом, и я зарылся лицом прямо между ними. Потянувшись к ее спине, я, как фокусник, одним движением расстегнул лифчик. Она позволила ему упасть на пол.

Снова уткнувшись лицом в ее грудь, я облизывал ее соски так, словно они остались моим единственным источником пищи. Она застонала, двигаясь навстречу моему языку

и продолжая выполнять восьмерки бедрами, в то время как мой член был готов вырваться из боксеров.

Продолжая наслаждаться ее идеальными грудями, я стоял, чувствуя, как она замедлила свои движения, вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и...

– Я так сильно хочу тебя прямо сейчас, – прорычал я, нежно покусывая ее сосок, пока она постанывала от удовольствия.

– Я тоже хочу тебя, – прошептала она, приблизив рот к моему уху и слегка вцепившись в него зубами.

– Позволь мне заняться с тобой любовью.

Я глубоко вздохнул, чувствуя пульсацию члена под ее медленными движениями. *Напоминание: поблагодарить Рейн за игрушку, которую она купила для Шей. Еще одно напоминание: никогда не думать о том, что бабушке Рейн известно хоть что-нибудь о восьмерке.*

– Я хочу заняться с тобой любовью, – ответила она, положив палец мне под подбородок и запрокинув мою голову так, чтобы встретиться со мной взглядом.

Ее рот коснулся моего, и она слегка прикусила мою нижнюю губу.

– Я хочу прокатиться на тебе, Лэндон. Хочу быть сверху, если ты не против.

Целиком и полностью за.

Мы сняли нижнее белье и вернулись на кровать. Я достал из кармана презерватив и надел его. Шей провела пальцами

вверх и вниз по моей груди, прежде чем снова прижаться к моему затвердевшему члену.

– Черт возьми, Шей, – простонал я, чувствуя ее влажность, чувствуя, как мое желание становится все сильнее и сильнее. – Это так приятно.

Она обхватила рукой мой член и вдруг остановилась.

– Подожди, хочешь, я выключу свет? Я знаю, тебе спокойнее...

– Нет, – я обхватил ее тело руками и покачал головой.

Я хотел видеть ее всю. Хотел видеть, как она оседлает меня, примет меня, овладеет мной. Видеть, как эти груди подпрыгивают вверх и вниз. Видеть каждый ее дюйм, каждый изгиб. Я хотел этого. Хотел ощутить каждую секунду нашего секса.

– Трахни меня с включенным светом.

Именно это она и сделала. Когда я вошел в нее, ее идеальные груди подпрыгнули прямо перед моим лицом и она вонзила ногти мне в лопатки. Она трахнула меня при включенном свете.

Никогда в жизни я не думал, что секс может доставлять такое удовольствие. Никогда в жизни не думал, что мое сердце способно так биться из-за другого человека. Никогда в жизни не думал, что смогу найти любовь. Заниматься сексом с Шей Гейбл было не просто потрясающе, это была чертова привилегия, и я надеялся, что смогу заниматься с ней любовью до конца жизни.

Мы оба кончили – она несколько раз – и лежали в постели, задыхаясь и слившись в одно неразрывное целое. Я убрал с ее лица волосы, и она еще крепче ко мне прижалась.

– Каждое мгновение с тобой кажется мне моим новым любимым воспоминанием, – прошептала она, кусая нижнюю губу.

– Я не знаю, как справлюсь с завтрашним днем. Я не знаю, как я сяду в самолет и снова с тобой попрощаюсь.

– Никаких прощаний, только «спокойной ночи». – Она поцеловала меня в губы. – Я знаю, что наши отношения нельзя назвать обычными, но я счастлива быть с тобой, Лэндон. Я хочу, чтобы ты действительно это знал. Это, – сказала она, положив руку мне на сердце, – мы, – она приложила мою руку к своей груди, – и я счастлива, что это так. Мне нравится наша запутанная история любви.

– И мне, – заверил ее я. – Как только я сяду в самолет, начну мечтать о том моменте, когда смогу к тебе вернуться.

Она наклонилась и поцеловала меня в губы.

– У меня есть кое-что для тебя, – произнесла она, вставая с кровати.

Она поспешила к своей сумочке и вытащила маленькую коробочку.

Сев на край кровати, она открыла ее, достав ожерелье в форме сердца. Не мультяшного сердечка, а самого настоящего человеческого сердца – вернее, его половин.

– Оно делится пополам. У меня останется одна половина,

а у тебя – вторая. У каждого из нас будет частичка сердца другого – где бы мы ни были. – Она застенчиво улыбнулась и покачала головой: – Я знаю, это немного банально, так что я не обижусь, если тебе не понравится.

– Не понравится? – воскликнул я. – Ты серьезно? Это просто прекрасно. Ты наденешь его мне на шею?

Она повесила кулон мне на шею, и я в очередной раз поразился тому, как моя любовь к этой девушке растет с каждой секундой.

– Однажды я вернусь к тебе, и мы будем жить долго и счастливо, Шей.

Она прижалась своим лбом к моему.

– Обещаешь? – спросила она с надеждой и страхом одновременно.

Я поцеловал ее в губы и прижал к себе.

– Обещаю.

*

В Шей было так много вещей, которые мне нравились, но больше всего мне нравились те мелочи, те маленькие черты, которые большинство людей упускали из виду. Например, тот факт, что она всегда открывала окна своей машины, даже если на улице было минус пять. Или то, как она во весь голос ужасающе фальшиво подпевала любимым песням, но при этом выглядела чертовски очаровательно. Ей никогда не удавалось запомнить тексты песен. То, как она жевала воротник своей кофты, когда нервничала. То, как она любила жи-

вотных и не могла пропустить ни одну собаку, не почесав ее за ушком. Или то, что, когда она была счастлива, она всегда заявляла об этом вслух. Она всегда говорила, насколько она счастлива и довольна, хотя улыбка уже выдавала ее с головой.

Мне нравилось, что ее стол всегда был завален бумагами и рукописями. Мне нравилось, как она совсем немного разбавляла свои сливки черным кофе. Мне нравилось, как она вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до верхней полки своего шкафа. Мне нравилось, как она танцевала на кухне, пока готовила. Мне нравилось, что, независимо от того, как долго меня не было рядом, независимо от того, насколько сильно я был сломлен, она все так же ждала меня с распростертыми объятиями.

Мне нравилось, как безоговорочно она меня любила. Мне нравилось, как звук ее голоса возвращал меня из темноты.

Я. Любил. Ее.

Целиком и полностью.

Эти несколько дней рядом с ней полностью меня перезагрузили. Шей Гейбл стала моим жизненным источником, и однажды я собирался подарить ей целый мир. А до тех пор я был готов отдать ей каждую частичку себя.

Приехав в Лос-Анджелес, я изо всех сил пытался смириться, но внутри чувствовал решимость как можно скорее к ней вернуться.

– Ты знаешь правила, Лэндон. Три хороших события, ко-

которые произошли за последние сорок восемь часов. Вперед, – сказала мне доктор Смит, откинувшись на спинку вращающегося кресла.

Я ходил к ней с тех пор, как мы с мамой переехали в Калифорнию, и она отличалась довольно непринужденной манерой общения. Я был уверен, что однажды она окончательно превратится в одну из «Дрянных девчонок»⁹, зайдет в кабинет и скажет что-то вроде: «*В этой конторе нет правил. Я не такая, как обычные врачи. Я – крутой доктор*».

Она закинула ноги на стол и начала перебрасывать в руках мячик для снятия стресса в ожидании моего ответа.

Мы встречались два раза в неделю, и пока все шло хорошо. Несмотря на ее нетрадиционные методики, я знал, что начинаю справляться с некоторыми из моих проблем.

Что этому поспособствовало? Три хороших события.

На каждом приеме я должен был рассказать доктору Смит о трех хороших вещах, которые произошли со мной за последние два дня. Это такой способ сосредоточиться на хороших моментах в настоящем, вместо того чтобы заикливаться на дерьмовых вещах из прошлого.

Сначала это давалось мне довольно сложно – придумать целых три хороших вещи, и из-за этого я чувствовал себя еще хуже. Доктор Смит быстро подавила эти чувства.

– *Это не выпускной экзамен, Лэндон. Невозможно допу-*

⁹ «Дрянные девчонки» (англ. Mean Girls) – американская подростковая комедия 2004 года, снятая режиссером Марком Уотерсом.

стить ошибку, потому что правильных ответов просто не существует. Ты можешь рассказать о том, что по дороге сюда все светофоры оказывались зелеными – и это подойдет. Это хорошее событие.

Сначала мои ответы были довольно скромными. Я позавтракал. У меня есть собственная кровать. Я хожу на терапию. С каждой неделей мое сознание разгружалось все больше и больше – казалось, в нем освобождается место для хороших вещей.

После поездки к Шей назвать три хороших события было проще простого.

– Шей, Шей и Шей, – сказал я, крутясь в своем кресле.

– Ты три раза сказал одно и то же.

– Ага.

Она выгнула бровь:

– Не считается. Мне нужны три разные вещи.

– Шей достаточно хороша, чтобы занять все три места.

– Уверена, что это правда, но так не пойдет. Давай, подумай хорошенько. Три разные хорошие вещи.

– Хорошо. Шей, поцелуй Шей и еда бабушки Шей.

Доктор Смит улыбнулась. Она опустила ноги на пол, положила руки на колени и наклонилась ко мне.

– Держу пари, я догадываюсь, о чем будет наш сегодняшний разговор.

Нетрудно догадаться.

– Ты говорил, что хочешь встретиться с отцом, когда при-

едешь в город. Хочешь поговорить об этом? – спросила она.

Мои руки сжались в кулаки, и меня слегка передернуло.

– Это необходимо?

Прищурившись, доктор Смит изучила меня заботливым взглядом. Это напомнило мне о миссис Леви – она тоже смотрела так, словно мое состояние действительно имело для нее значение.

– Ты знаешь правила, Лэнд. Мы говорим только о том, что тебе комфортно обсуждать.

– Хорошо, – кивнул я, ерзая на стуле. – Итак, Шей...

8 декабря 2004 г.

Сатана!

Не могу поверить, что с нашей последней встречи прошло семь месяцев. Я все еще не выиграла миллион долларов, но каждый раз, когда еду на заправку, покупаю лотерейные билеты. Скрестим пальцы!

Первый семестр в колледже почти закончился, и я до сих пор удивляюсь, что не струсилась поступить на писательское мастерство. Просто пообещай, что, если в конце концов я окажусь безработной, ты не забудешь меня и будешь привозить мне шоколад. Это поможет моему беспокойному сердцу.

На днях Рейн, Трейси и я смотрели телевизор, и – представляешь! – мы видели человека, поразительно похожего на тебя, в рекламе Calvin Klein. Господи, Лэндон! Ты в рекламе! В настоящем рекламном ролике! Боже мой, я так

тобой горжусь. Рейн начала кричать и скакать на диване, как обезьяна, как только увидела тебя на экране.

А я? Я начала плакать, потому что я так за тебя счастлива. Я так горжусь. Кроме того, я плакала из-за того, что теперь весь мир знает о волшебном прессе, который прячется под твоей рубашкой, и мне придется отбиваться от толпы фанаток. Недавно я записалась в спортзал – чтобы подготовиться. Я не боюсь вцепиться в волосы женщине, которая перейдет черту.

А если серьезно, то ты потрясающий. Я не устаю восхищаться, наблюдая за тем, как ты воплощаешь свои мечты.

Я скучаю по тебе. Я так по тебе скучаю – знаю, что мы оба заняты еще больше, чем раньше, а теперь ты захватываешь актерский мир, но, боже, я так счастлива, когда захожу в почтовом ящике одно из твоих писем.

Я знаю, что мы созваниваемся и обмениваемся СМС, но в этих письмах есть что-то особенное. Мне нравится знать, что у меня есть целая стопка, которую я могу перечитывать всякий раз, когда скучаю по тебе слишком сильно. Я чувствую твою любовь через буквы и слова, и ты знаешь, как много это для меня значит.

Кстати говоря, на днях я закончила лучший сценарий, который когда-либо писала, и безумно боюсь его опубликовать. Я не готова отказаться от чего-то, чем так сильно горжусь – по крайней мере, сейчас. Я собираюсь еще некоторое время лелеять его на своей груди, прежде чем отдать свое

детские на растерзание волкам.

А еще мы с девочками собираемся снять таунхаус¹⁰ в следующем семестре. Я мечтаю о личном пространстве. Это ничтожный уголок, но это будет наш уголок. Надеюсь, ты сможешь приехать на новоселье.

И еще раз – я счастлива, и горда, и отчаянно по тебе скучаю, но не настолько, чтобы просить тебя вернуться, когда твои мечты начали воплощаться в реальность. Кроме того, приятно, когда есть по кому скучать. Это делает воссоединение гораздо слаще.

Люблю тебя – дважды.

Цыпа.

P. S. Я приложила к письму несколько тянучек. Только розовые и красные – потому что я ужасно тебя люблю.

P. P. S. На этой неделе отец звонил мне несколько раз. Я не ответила, но в какой-то момент была почти готова это сделать. Сейчас я пытаюсь это обдумать. Я хочу знать, зачем он звонил. И хочу знать, почему это вообще меня беспокоит.

17 марта 2005 г.

Цыпа!

¹⁰ Таунхаус – малоэтажный жилой дом или общественное здание на несколько многоуровневых квартир, как правило, с изолированными входами.

*С Днем святого Патрика!*¹¹

Надеюсь, что сейчас ты распиваешь зеленое пиво на какой-нибудь банальной университетской вечеринке.

Сегодня мы снимаем в Амстердаме. Это моя первая по-настоящему большая роль, и мы проведем здесь следующие несколько месяцев. Здесь умопомрачительно красиво. Я привезу тебя в Европу при первой возможности. Я отвезу тебя в множество мест. Я хочу показать тебе весь мир, Шей.

Актерский мир просто удивительный, но иногда бывает непросто. Я скучаю по встречам со своим психотерапевтом, но мы стараемся регулярно созваниваться по скайпу. Иногда тревога берет верх, и я беспокоюсь о том, что теряю контроль над своим сознанием, но в основном я научился справляться со своими нервами.

Что касается актерской игры – я не идеален. Я злюсь на себя всякий раз, когда совершаю ошибки, и думаю, что бессмысленно трачу чужое время и деньги, – вероятно, так оно и есть. Все в Голливуде держится на этих двух вещах – на времени и деньгах. После каждой съемки я возвращаюсь в свой гостиничный номер и думаю, что мог бы сделать лучше.

Доктор Смит со мной не согласна – она считает, что не нужно пытаться переделать прошлое, если я могу приме-

¹¹ День святого Патрика – культурный и религиозный праздник, который ежегодно отмечается 17 марта, в день смерти небесного покровителя Ирландии святого Патрика.

нить то, чему научился, в будущем. Бывает трудно в это поверить. Но никакой спешки, верно?

В мире актеров трудно сказать, что правда, а что ложь. Трудно сказать, действительно ли люди к тебе расположены или они просто притворяются? Пытаются завести нужное знакомство или по-настоящему готовы подарить свою дружбу? Их мир окружен тайнами и интригами, и я не уверен, что мне это подходит. Я скучаю по правде. Я скучаю по искренности. Я скучаю по тебе.

В последних двух письмах я просил тебя прислать мне твой сценарий, и, кажется, моя просьба была бессовестно проигнорирована. Я заранее знаю, что он восхитителен, Шей, и, возможно, я смогу найти способ передать его в нужные руки.

Знаю, ты боишься отдать его волкам, но помни: я – овца в волчьей шкуре. Я позабочусь о твоём детище.

Я приложил к письму несколько бельгийских шоколадок, и остается только молиться, чтобы они не растаяли. Еще я положил пару швейцарских шоколадок для Рейн, раз уж она гордо называет себя Швейцарией и гордится тем, что не сует свой нос в чужие дела.

Когда я вернусь в США и получу отпуск, то сразу же за тобой приеду.

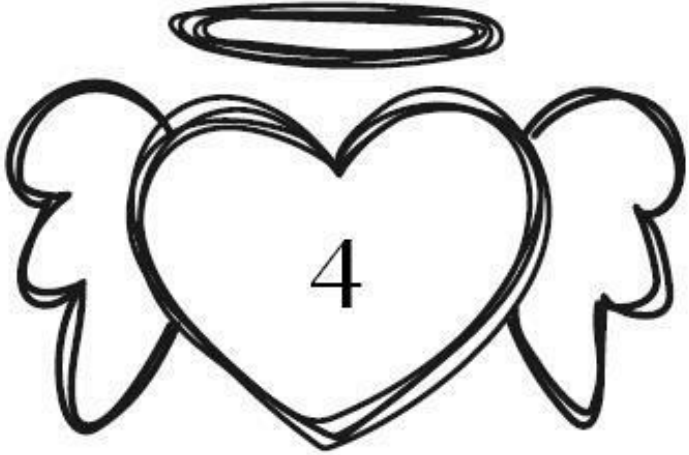
С нетерпением жду возможности попробовать на вкус твои губы. Скучаю по твоим объятиям. Скучаю по *тебе*.

Люблю тебя x2.

Сатана.

Р. С. Не могу поверить, что отец все еще тебе звонит. Если тебя это беспокоит, то, возможно, пришло время сменить номер.

Глава 4

Шей

Возраст: двадцать лет

– Алло? – прошептала я в трубку, сидя в постели в одну из майских ночей.

Меня разбудил телефонный звонок, и, заметив промелькнувшее на экране имя Лэндона, я с усилием открыла глаза.

Было уже за полночь, а мы почти никогда не созванивались без причины и не предупредив друг друга заранее, поэтому меня тут же охватило беспокойство.

– Привет, Цыпа, – сказал он ровно.

Это немного меня успокоило.

– Привет. В чем дело?

– Ничего такого. Извини, я знаю, что уже поздно, но я немного заскучал по дому, и мне просто хотелось услышать твой голос.

Мое сердце застучало чуть быстрее, и я опустила голову обратно на подушку.

– Ты скучаешь по мне, да?

– Ты не представляешь, как сильно. Нам нужно увидеться как можно скорее, потому что, черт возьми... я хочу почувствовать тебя в своих объятиях.

– Тогда перестань быть знаменитостью.

– Я не знаменитость, – сказал он, зевая в трубку.

– Ты сонный.

– Да, но я не могу спать, не услышав твой голос. Я надеялся, что мне удастся заснуть, разговаривая с тобой по телефону.

– Что бы ты хотел услышать?

– Можешь просто повторять алфавит, и я буду счастлив.

Что угодно.

– Что насчет истории о том, как мой отец проник в колледж, чтобы со мной увидеться?

– Погоди, что?

В его голосе звучали нотки беспокойства.

– Ага. Я заметила, как он ходил по кампусу. Это произошло после того, как я несколько месяцев игнорировала его звонки и сменила номер.

– И что ты сделала?

– Он заметил меня раньше, чем я успела исчезнуть из виду, так что в итоге нам пришлось поговорить.

– Чего он хотел?

Мой живот неприятно заныл от воспоминания о том разговоре.

– Денег. Он сказал, что попал в затруднительное положение и ему нужны деньги, чтобы прокормиться. Я объяснила, что подрабатываю в колледже и не могу ему помочь, но он настоял, чтобы я попросила у мамы денег и соврала, что они нужны мне самой. Он хотел, чтобы я стала такой же лгуньей, как он.

Лэндон выдохнул:

– Почему наши отцы такие придурки?

– Ну, зато у нас есть хоть что-то общее, – пошутила я.

– Что ты ему ответила?

– Что я не хочу иметь с ним ничего общего и чтобы он вообще не появлялся в моей жизни.

– Я горжусь тобой. Я знаю, что тебе было непросто.

– Какая-то часть меня хотела его обнять... почему?

– Потому что ты человек, а человеческие чувства никогда

не бывают однозначными. Но тот факт, что ты все еще испытываешь к нему привязанность, не означает, что ты снова должна впускать его в свою жизнь.

Он сказал именно то, что мне нужно было услышать.

Я перевернулась на бок, прижав телефон к уху.

– Итак, о чем ты хочешь поговорить теперь – учитывая, что я больше не хочу обсуждать своего отца?

– Что насчет твоего сценария? – предложил Лэндон. – Я хотел бы послушать, как ты его читаешь.

Я прикусила нижнюю губу:

– В нем нет ничего такого.

– Чушь собачья. В своем последнем письме ты говорила, что это лучшее, что ты когда-либо писала.

– В этих письмах я слишком много болтаю, – снова пошутила я.

– Если ты не готова этим делиться – ничего страшного.

– Нет, я хочу. Я еще никому его не показывала, так что если это полное дерьмо, то, пожалуйста, не говори мне.

Он рассмеялся.

– Я почти уверена, что через пять минут ты уже захрапишь.

– Сомневаюсь.

Я взяла свой сценарий, включила лампу рядом с кроватью и начала читать. С каждым новым словом, слетавшим с моего языка, я все больше и больше влюблялась в историю, которую создала. Время от времени Лэндон смеялся или про-

сто говорил «вау», придавая мне уверенности в моем творении.

Предполагалось, что он заснет довольно быстро. Мне казалось, что ко второму акту он уже будет сопеть в трубку, но этого не произошло. Он слушал внимательно, наслаждаясь моим чтением и каждой новой строчкой.

Когда я закончила, он зааплодировал в трубку, заставив меня покраснеть.

– Тебе действительно понравилось?

– Ты шутишь? Он невероятный. Такой же невероятный, как и тот, кто его создал, – ответил Лэндон. – Это настоящий шедевр.

Я усмехнулась:

– Ты такой банальный, что на твоём месте я бы забеспокоилась.

– Я уже беспокоюсь, поверь мне, – согласился он. – Ты устала?

– Нет, не совсем... не после чтения.

– Хорошо. Итак... ты сможешь прочитать сценарий еще раз?

Я заснула, читая ему свое сочинение. В мире не было лучшего способа проникнуть в его сны.

*

– Кэрл разводится, – сообщила мама, рассказывая о своей коллеге во время воскресного ужина.

Мима водрузила на обеденный стол еще шипящую сково-

родку. Когда она начала зачерпывать соус, над нами поднялись клубы пара. Комнату заполнил аромат ее бесподобного жаркого с говядиной и лапшой, а мой желудок заурчал от предвкушения.

Каждое воскресенье мы ужинали втроем. В будние дни мы все были слишком заняты, чтобы встречаться. Я была свободна от школы только по выходным, йога-студия Мимы набирала обороты, и ей удалось открыться в разных частях города, а мамин график дежурств перевели на ночные смены. Воскресенье осталось единственным днем, когда мы могли собраться вместе и наверстать упущенное за целую неделю.

В течение последних нескольких лет мама наверстывала упущенное за годы жизни с отцом, и в ее словах звучала легкая горечь.

Она ворчала, рассказывая историю о Кэрол и ее горестях.
– Только представь – этот придурок переспал с сестрой Кэрол! С ее сестрой! Говорю вам, мужчины – свиньи. Они сделают все возможное, чтобы испортить женщине жизнь. Если бы у меня была голова на плечах, я бы вообще никогда и ни с кем не встречалась.

Бракоразводный процесс мамы и папы – поправка, Курта, потому что я больше не считала его отцом, – уже давно завершился, но мама так и не оправилась от ненависти к этому мужчине. С тех пор как Курт предал нашу семью, мама превратилась в лидера КЖКНМ – Клуба Женщин, Которые Ненавидят Мужчин.

Членство в клубе гарантировало еженедельные сладости, подписку на Lifetime¹² и кошку.

Я могла бы записаться туда хоть сейчас – в основном из-за сладостей и немного из-за кошки.

– Дело не только в мужчине, дорогая. Ее сестра ведь тоже принимала участие в предательстве, – добавила Мима. – Плюс, вероятно, в этой истории есть что-то, что Кэрол упускает. Не нам их судить.

Бабушка никогда не впадала в крайности, когда дело касалось чужих дел. Думаю, с возрастом к человеку приходит опыт, а вместе с ним и умение не делать категоричных выводов о других людях.

Но сейчас мама была слишком поглощена собственными переживаниями. Ей было тяжело не осуждать других. Я обнаружила, что большинство людей, испытывавших боль, осуждали образ жизни других только потому, что это помогало им проживать свои собственные горести.

По крайней мере, мамин муж не изменил ей с несуществующей сестрой. В этом смысле Кэрол ее обошла.

– Я уверена, что это он ее соблазнил. Мужчины – змеи, злобные твари с ядовитыми клыками. Лично я больше никогда никому не поверю. Если даже Jay-Z умудрился изменить Королеве Би, то что говорить об остальных?

¹² Lifetime Television – американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где в главных ролях представлены исключительно женщины.

Мима подняла бровь:

– Кто такая Королева Би?

– Бейонсе, – сказала я, запихивая в рот вилку лапши.

Большую часть времени, когда мама разглагольствовала, я молчала. В последнее время мне казалось, что ей не нужен повод – маме просто нравилось рассуждать о гнилой мужской природе. Еще одно слово о том, как Билл обидел Хиллари, и я вырвала бы себе волосы.

– Кто такая Бейонсе? – спросила Мима, заставив меня улыбнуться.

Быть настолько оторванной от мира знаменитостей, чтобы не знать саму королеву музыки?

– Расскажу тебе, когда вырастешь, – пошутила я, толкнув бабушку в бок.

Зазвонил мой телефон, и я поспешила вытащить его из кармана. На экране появилось имя Лэндона, и по моим губам скользнула улыбка.

Лэндон: Ты будешь свободна на этой неделе? Я в Чикаго по работе и хотел бы тебя увидеть.

Я начала быстро набирать ответ, улыбаясь во весь рот.

Шей: Я определенно найду для тебя время.

Лэндон: Я прилетаю сегодня поздно вечером. Можно приехать к тебе домой?

В моей голове закрутилась вереница мыслей о нынешнем состоянии нашего с Трейси и Рейн жилища. Бюстгальтер и трусики, которые я передела утром, вероятно, все еще валялись на полу спальни. В корзине для белья лежала огромная куча грязных вещей, и я была почти уверена, что пятно от вина на моем одеяле так и не оттерлось – даже после использования ластика Mr. Clean. Совет на будущее: не стоит смотреть видео о том, как собачек забирают из приюта, одновременно попивая вино прямо из бутылки. Вы будете обливаться счастливыми слезами и неловко проливать вино себе на колени.

Кроме того, территория дома представляла собой зону боевых действий – в конце концов, там жили сразу три девушки.

Излишне говорить, что моя комната являла собой полную катастрофу, и я была совершенно не готова к приходу гостей. Но никогда не сомневайтесь в способности женщины быстро убраться, когда на горизонте маячит перспектива обнять Лэндона Харрисона.

Шей: Звучит хорошо! Увидимся.

– Извините, дамы, похоже, сегодня мне придется покинуть ужин, – сообщила я, вставая из-за стола.

Мима улыбнулась. Мама поморщилась.

– Это был Лэндон? – спросили они в унисон и с совершенно разными интонациями.

– Да. Оказывается, он прилетает в Чикаго на несколько дней и планирует заехать ко мне сегодня вечером.

– И, конечно же, ты отменяешь все свои планы, чтобы под него подстроиться, – проворчала мама. – Мне это не нравится, Шеннон София. В последние несколько лет я наблюдаю за тем, как ты бросаешь все, чтобы найти время для этого мальчика. А чем он жертвует ради тебя?

Если бы я получала доллар каждый раз, когда мама ворчала из-за наших с Лэндоном отношений, я бы смогла открыть парк развлечений.

Я подошла и поцеловала ее в лоб.

– Я бы с удовольствием с тобой поболтала, но мне нужно убраться и подготовиться. Я люблю вас, дамы. Скоро увидимся.

– Передай Лэндону, что я его люблю, – крикнула Мима мне вслед. – Скажи ему, что я видела его в рекламе зубной пасты. Мой клиент выложил запись на YouTube, и мы посмотрели ее пятнадцать раз подряд!

Я улыбнулась. Несмотря на недовольство мамы, бабушка искренне гордилась Лэндоном.

Лэндон оказался, должно быть, самым удачливым мальчиком в мире. Ему не пришлось тратить годы на мучительные поиски агента. К нему напрямую обратились три крупнейших актерских агентства в мире, предложив сотрудничество. Представляете? Никакой необходимости вставать на колени и протягивать свое детище агентству, которое даже

не подумает дать вам шанс.

Ох, мечты, мечты.

– Я передам ему, Мима.

Я поцеловала ее в лоб.

– Ой, подожди! Я положу ему немного еды – минутку.

Она поспешила на кухню за контейнером, оставив меня наедине с мамой и ее недовольным взглядом.

Я вздохнула.

– Хорошо. Давай, – предложила я. – Расскажи мне, какую огромную ошибку я совершаю.

– Ты совершаешь огромную ошибку, – повторила она. – Я знаю, ты думаешь, что все это забава и игра, но я хочу, чтобы ты была осторожна, – поучала меня мама, повторяя то, что я выслушивала уже почти три года. – Он далеко и купается в славе. Женщины окружают его изо дня в день. Он живет в мире, где измена – обычное дело.

С тех пор как мама узнала об измене отца, она была убеждена в том, что все, имеющее отношение к пенисам, не заслуживает доверия.

Меня не слишком заботило, что она думает – она видела мои отношения со стороны, глядя через призму собственного горького опыта. Она не чувствовала тепла, утешения и любви, которые Лэндон давал мне, даже находясь за сотни километров.

Конечно, наша ситуация не была обычной, но она была нашей, и я знала, что нельзя позволять маме портить наши

отношения. Впуская других в свою личную жизнь, вы должны понимать, что они отравят вашу историю своим ядовитым мнением. Я не собиралась этого допускать.

Как бы там ни было, мы заслужили любовь и уважение к нашей личной жизни.

*

– Боже мой, рассказывай скорее!

Рейн сияла, сидя напротив Лэндона за обеденным столом и в предвкушении подпирая подбородок руками.

– Расскажи все о том, как стать знаменитым.

Уединение? Побывать наедине с Лэндоном?

Невозможно, пока Рейн живет в том же месте, что и я. Как только она увидела своего лучшего друга, у нее совершенно снесло крышу, и я не могла ее винить. Я была взволнована не меньше – скорее всего, даже сильнее, чем она.

Лэндон выглядел таким красивым, таким взрослым.

У него появилась идеально ухоженная щетина, и от него пахло сексапильностью и медом. С тех пор как он приехал, я не отходила от него ни на шаг.

Я сидела в кресле рядом с ним, а он медленно массировал ладонью мое бедро.

– Я не знаменит, – Лэндон усмехнулся, одарив Рейн неповторимой улыбкой. – Честно говоря, я не знаю, что и почему со мной происходит, но чувствую, что однажды проснусь и все это окажется сном.

– Знаешь, что я ненавижу больше всего? – спросила Рейн,

сморщив нос.

– Что?

– Когда известные люди утверждают, что они не знамениты. Это как богатые дети, которые говорят: «О, я не богат, это мои родители богаты». Заткнись, Сьюзан. Ты не можешь говорить, что ты не богата, сидя в Mercedes Benz в туфлях от Gucci. Это так не работает.

Я посмеялась над своей излишне эмоциональной подружкой.

– Она права. Ты знаменит, Лэндон. Весь мир видел твою задницу в трусах-боксерах. Это пик славы.

– И какая же она милая и мягкая, – усмехнулась Рейн, наклоняясь, чтобы ущипнуть его за щеки. – Я гордая старшая сестра.

– В миллионный раз – я старше тебя, Рейн, – заметил Лэндон.

– Только номинально.

Взгляд Рейн метался между нами двумя. Затем ее глаза переместились на руку Лэндона, ласкающую мое бедро.

– Здесь намечается что-то не для детских глаз? Мне стоит уйти?

– Пожалуй, тебе лучше уйти, – пошутила я.

Она согласно кивнула:

– Ладно, но не строй планы на завтрашний вечер, Лэндон. Мы собираемся собраться нашей старой компанией. А теперь идите и занимайтесь всем, чем хотите, но помните –

стены здесь тонкие, а моя спальня находится прямо по соседству со спальней Шей.

Я рассмеялась:

– Я знаю и думаю об этих стенах каждый раз, когда Хэнк остается на ночь.

Она улыбнулась и подмигнула:

– Прошлой ночью мы сломали спинку кровати.

Лэндон вмешался:

– Слишком много информации! Я не хочу думать о том, как вы с Хэнком трахаетесь и ломаете изголовья. Ты же моя старшая сестра.

Рейн подошла и похлопала его по спине:

– Ты достаточно взрослый, чтобы знать, что твоя сестра занимается сексом, Лэндон. По меньшей мере четыре раза в неделю и в самых разных позах.

– Рейн, – простонал Лэндон, хлопнув себя ладонью по лицу. – Слишком много информации.

– Бьюсь об заклад, ты вспомнишь меня добрым словом, когда Шей продемонстрирует некоторые позы из «Камасутры», которую я ей дала. Спокойной ночи, детишки.

Она поспешила уйти, а Лэндон повернулся и посмотрел на меня, изогнув бровь.

– Что? – спросила я.

– Что там насчет «Камасутры»?

Его губы изогнулись в злобной ухмылке. Я закатила глаза:

– Это ерунда. Рейн просто повернута на сексе. Она сказа-

ла, что им с Хэнком пришло время добавить в отношения перчинку.

– Я люблю перец. Больше всего на свете. Что за позы? Планируешь испробовать их сегодня ночью?

Я почувствовала, как от одной мысли об этом мое лицо покрывается румянцем.

– Нет.

Он приподнял бровь:

– Да ну? Ты ведь действительно читала эту книгу, верно?

– Что? Нет. Вовсе нет.

Он ухмыльнулся и указал на меня пальцем:

– Ты явно хочешь что-то сказать. Давай. Выкладывай. Я вижу тебя насквозь.

– Ну... – Я зажала воротник рубашки в зубах и пожала плечами: – Есть одна штука... называется бабочка.

Озорные огоньки в его глазах заставили мои щеки вспыхнуть еще сильнее. Он встал со стула.

– Пошли. Я собираюсь вытряхнуть из тебя всех бабочек.

Эта ночь закончилась чередой неудачных сексуальных позций.

– Твой палец должен быть у меня в ухе, да? – спросил Лэндон, сдерживая смех. – Если ты начнешь крутить мизинцем вокруг мочки, я кончу через секунду.

Я хихикнула и начала шевелить ногой у его уха.

– О, черт, Шей, да, даааа! Мне так нравится, когда ты меня трогаешь, – издевался он, театрально застонав.

Мой живот сводило от смеха, когда я убрала ногу с его головы и облегченно уронила ее на кровать. Лэндон упал на меня, притворившись, что совсем выбился из сил.

– Нет ничего лучше, чем хорошенько потрахаться пальцами перед сном, – сказал он.

– В следующий раз я воспользуюсь большим пальцем ноги.

– Ты слишком меня заводишь. Мне нужно перезаправить бак.

Я положила голову на его обнаженную грудь, и он обнял меня в ответ. Это могло показаться сексуальным, но лежать рядом с Лэндоном полностью обнаженной было так же уютно, как закутаться в самое мягкое и теплое одеяло в мире.

– У меня есть новости, – произнес он, заставив меня приподнять голову. – Думаю, тебе понравится.

– Да? Что это такое?

– Несколько месяцев назад я пробовался на роль в фильме Kilt Entertainment. Это главная роль, совсем новый уровень.

– Не может быть! Ты серьезно?

Kilt Entertainment – крупная продюсерская компания, известная своими оскароносными фильмами. Они работают со сливками актерского мира и обладают необъяснимым умением превращать в золото все, к чему прикасаются.

– Почему ты не рассказывал раньше? – спросила я.

На его месте я бы прожужжала уши всем на свете.

– Я не хотел говорить об этом до тех пор, пока не станет

ясно, смогу ли я получить роль. В общем, так вышло, что...

Я села в постели:

– Ни слова!

Мое сердце едва не выпрыгивало из груди, когда я смотрела на головокружительную улыбку Лэндона и блеск в его глазах.

– Ты прошел?! Ты сыграешь главную роль в фильме Kilt Entertainment?!

– Думаю, да. Пока что я не имею права об этом рассказывать, но ты не в счет. Ты единственная – единственная, кому я действительно хотел рассказать это прямо сейчас.

– Я буду держать рот на замке, но черт возьми. Лэндон, это невероятно. Невероятно. О боже мой.

Я закрыла рот руками, меня переполняли эмоции. В этом мире не было никого, кто заслуживал бы чего-то настолько грандиозного больше, чем Лэндон.

– Это потрясающе. Это один из тех моментов, которые переворачивают жизнь с ног на голову. Ты невероятный. – Я наклонилась и поцеловала его. – Ты такой... такой удивительный.

– Все, что есть у меня в жизни, благодаря тебе.

Он это слышал? Слышал ли он, как екнуло мое сердце, когда эти слова слетели с его языка? Он поерзал на кровати.

– Угадай, кто сыграет главную героиню?

Я приподняла бровь.

Он улыбнулся:

– Тебе понравится. Тебе точно понравится.

– Кто?

– Сара Симс.

Моя челюсть упала на пол, как только он произнес ее имя. Сара, черт возьми, Симс! Если быть точнее – одна из лучших актрис современности. Чертова Сара Симс, обладательница всех талантов мира. Всемирно признанная актриса, режиссер и сценарист. Она жила в мире кино с пяти лет. Ее отец – Джек Симс, один из лучших сценаристов в истории, и, и, и!.. Сара Симс – обладательница величайшей награды во всем мире.

Она получила EGOT¹³. Среди ее наград «Эмми», «Золотой глобус», «Оскар» и «Тони».

Она была моим главным кумиром, и Лэндон собирался с ней сниматься.

Вау, вау, вау.

– Скажи ей, что я люблю ее, – выпалила я, волосы на моих руках встали дыбом от волнения. – Скажи ей, что я обожаю ее и стремлюсь быть такой же, как она, и думаю, что она самая талантливая, красивая, потрясающе талантливая женщина.

Он рассмеялся:

– Ты дважды сказала «талантливая».

– Я знаю. Она этого заслуживает.

¹³ EGOT – аббревиатура для премий «Эмми» (англ. Emmy), «Грэмми» (англ. Grammy), «Оскар» (англ. Oscar) и «Тони» (англ. Tony).

Он в очередной раз выгнул бровь:

– Ты влюблена в эту женщину? Мне стоит беспокоиться?

– Только если ты когда-нибудь меня к ней подпустишь.

Я довольно скромная девушка, но, если однажды я окажусь рядом с чертовой Сарой Симс, я не могу гарантировать, что не почувствую желания ее трахнуть.

– Чувствую себя взволнованным и возбужденным одновременно.

– Это просто умопомрачительно, Лэндон. Ты понимаешь? Это очень важно для тебя.

Он небрежно пожал плечами. Казалось, он не понимал, что его жизнь вот-вот бесповоротно изменится. Когда ко мне пришло осознание, я почувствовала небольшой ком в животе.

Его жизнь изменится навсегда. Его жизнь, которая уже была занятой и насыщенной, станет еще более загруженной. Я не могла избавиться от тревоги: как я впишусь в его новый мир? Мы и так проводили вместе очень мало времени, и, когда карьера Лэндона пойдет в гору – а она точно пойдет, – как нам найти способ сохранить нас? Он мчался вперед на полной скорости, а я с трудом продвигалась на несколько дюймов. Мои мечты завели меня в тупик, и я не знала, смогу ли однажды догнать Лэндона.

Он словно почувствовал мое беспокойство, поэтому пригнул меня ближе и заключил в свои объятия.

– Ты должна приехать на съемки. Может быть, ты смо-

жешь остаться на неделю или немного дольше. Теперь у меня есть деньги, Шей. Мы можем видеться чаще.

– Я не могу на это согласиться, Лэндон. Я не могу допустить, чтобы ты платил за такие большие поездки.

– Но я хочу, – возразил он. – Я хочу, чтобы ты была со мной. Если честно, я не знаю, как часто мы сможем видеться, может быть, раз в месяц. Я просто хочу убедиться, что даю тебе все возможное, Шей. Я хочу убедиться, что я достаточно хорош для тебя. Кроме того, я эгоистично хочу засыпать рядом с тобой как можно чаще.

Мое сердце екнуло, и я почувствовала, что мы наконец приближаемся к нашей мечте.

– Правда?

– Правда. Деньги не проблема. Я хочу, чтобы ты была рядом. Ты нужна мне. Я знаю, что ты учишься и все такое, но мы можем подстроиться под твое расписание. Впервые за долгое время я чувствую, что все становится лучше. Звезды и луна сошлись, и я хочу смотреть на это небо вместе с тобой.

Я прикусила нижнюю губу:

– А я смогу встретиться с Сарой Симс, если приду к вам на съемочную площадку?

Он рассмеялся:

– О боже, нет. Ты бросишь меня ради нее в мгновение ока, а я этого не переживу.

– Хм. Возможно, ты прав. К тому же, держу пари, Сара волшебным образом исполняет бабочку.

– Я собираюсь расправиться с этой бабочкой, прежде чем уеду, и, черт возьми, после этого ты забудешь, что Сара Симс вообще существует.

Я хмыкнула:

– Очень маловероятно, что я забуду о ее существовании, но я целиком и полностью готова опробовать бабочку.

– Не беспокойся, я не из тех, кто легко сдается.

– Я так счастлива, – сказала я, проводя руками по волосам. – Я так счастлива, что ты здесь, что твои мечты станут реальностью. – Я просияла и вздохнула: – Я так счастлива, Лэндон.

– Скоро я буду играть в фильме по одному из твоих сценариев, – ответил он, прижавшись к моим губам.

Он словно увидел мою неуверенность в том, что мои собственные мечты сбудутся, и усыпил ее одним поцелуем.

– Твой черед, Шей. Скоро этот мир станет лучше благодаря твоему таланту.

Он прикоснулся своим носом к моему, одарив меня «эскимосским поцелуем»¹⁴, прежде чем поцеловать в лоб.

– Знаешь, чего я хочу прямо сейчас? – прошептал он.

Его горячее дыхание коснулось моего лба.

– Чего?

– Я хочу тебя снова.

¹⁴ Эскимосский поцелуй в современной западной культуре – действие, напоминающее традиционное эскимосское приветствие кунику, касание кончиками носов.

Остаток ночи был наполнен любовью, шутками и весельем.

Рядом с Лэндоном улыбаться было легко и приятно, и в ту ночь он пребывал в таком хорошем настроении. Мне нравилось смотреть, как он счастлив и спокоен рядом со мной.

Мы так хохотали, что от приключений Шей, Лэндона и «Камасутры» по нашим щекам катились слезы. Мне нравилось, что с ним я чувствовала себя в безопасности, что он относился к моему телу как к величайшей драгоценности. Я не могла и подумать, что, оказавшись в чьих-то объятиях, почувствую себя по-настоящему дома. Его кожа касается моей, моя голова на его груди... дом. Это был мой дом.

Той ночью мы закрыли глаза, и наши дыхания сплелись в одно целое. Вдох, выдох. Спокойное дыхание, которое казалось таким умиротворенным, таким гармоничным, таким правильным. Находиться вдали от Лэндона было тяжело, но воссоединение того стоило. То, что происходило между нами, было настоящим и нашим.

Чувствовать его дыхание, чувствовать то, как поднимается и опускается его грудь, стало одним из моих любимых ощущений. Никогда в жизни я не была так близка к другому человеку.

Вдох, выдох...

Я закрыла глаза и погрузилась в сон, зная, что, мечтая о доме, я мечтала лишь о его сердцебиении.

*

В нашу последнюю ночь вместе я проснулась среди ночи из-за странного шума. Протирая глаза, приподнялась на локтях и увидела Лэндона, сидящего на краю кровати с телефоном в руках. Он опустил голову и молча смотрел на экран.

– Все в порядке?– спросила я, зевая.

Он не ответил. Небо по-прежнему оставалось черным как смоль. Единственным источником света был мобильный телефон. Как долго он так просидел?

Я подошла к нему и положила руку на его напряженную спину:

– Лэнд, что такое?

– Мой... – он всхлипнул и провел рукой под носом. – Это мой папа. У него был сердечный приступ.

– Боже мой. – Я села прямее. – Мне так жаль. Как он?

– Я не знаю. Я проснулся, чтобы пойти в ванную, и увидел сообщение от его помощницы Эйприл. Оно пришло более четырех часов назад. Он в больнице Святого Луки.

– Хорошо, поехали.

Он поморщился:

– Нет. Тебе не обязательно ехать со мной. Уже поздно, и тебе нужно отдохнуть. Но я поеду – узнаю, как он.

– Лэндон, не будь смешным. Давай одевайся. Я поведу.

Он последовал моим указаниям, и вскоре мы сели в машину. Поездка прошла в полной тишине – Лэндон смотрел в окно, сжимая в руке ожерелье в виде сердца, которое я ему подарила. Я знала, что сейчас любые слова одобрения бес-

смысленны и неуместны. Его мозг сходил с ума. Я провела с Лэндоном достаточно времени, чтобы знать, когда с ним что-то не так. Его брови сдвинулись и нахмурились, а левая нога нервно постукивала по коврику автомобиля. Его подбородок тоже был напряжен.

Время от времени я протягивала руку и успокаивающе сжимала его колено. Так я напоминала, что он не один. Я знала, что иногда разум Лэндона может заставить его чувствовать себя покинутым, поэтому моей задачей было давать небольшие напоминания о том, что это неправда.

Когда мы подъехали к больнице, только начало рассветать. Мы поспешили внутрь, и, как только свернули в зал ожидания, кто-то окликнул Лэндона. Обернувшись, мы увидели стоящую там женщину в пальто и на высоких каблуках, миниатюрного телосложения. Она выглядела чуть старше нас – возможно, ей было около тридцати.

– Эйприл, что происходит? – спросил Лэндон.

Эйприл – помощница его отца.

Она казалась взволнованной и напуганной – думаю, в больнице эти эмоции можно считать уместными.

– Он приходит в себя. Похоже, на этот раз все серьезно – хуже, чем в прошлый раз. Вот почему я тебе написала.

– Хуже, чем в прошлый раз? – уточнил Лэндон, нахмурился брови. – Что значит «в прошлый»?

Эйприл скрестила руки на груди.

– Несколько месяцев назад у него случился мини-сердеч-

ный приступ. Я хотела тебе рассказать, но он мне запретил. Сказал, что это его дело и тебе незачем об этом знать. Но на этот раз все было иначе. Я так испугалась, когда это случилось, поэтому...

– Ты была с ним? – вмешался Лэндон.

Глаза Эйприл расширились. Я присмотрелась к ее внешнему виду и заметила, что подол ее платья, выглядывающий из-под пальто, напоминает атлас – атлас с кружевной отделкой.

Эйприл поймала мой взгляд и одернула низ своего пальто.

– Эм, да, была.

Лэндон не стал медлить со следующим вопросом:

– Вы спите?

Эйприл покачала головой:

– Это не твое дело, Лэндон, и это крайне неуместный вопрос.

– Избавь меня от ругани, Эйприл. Ты на шесть лет старше меня, и мне не нужна лекция о том, что уместно, а что нет, от женщины, которая спит со своим боссом.

Она приоткрыла рот, чтобы возразить, но затем сделала паузу, осознав, что лгать дальше не имеет смысла.

– Миссис Харрисон, простите, что прерываю, но ваш муж не спит – если вы хотите его увидеть. Он в палате 2033, – сказала медсестра, подходя к нам и добавляя еще один сюжетный поворот. Лицо Лэндона побледнело, когда слова сорвались с губ медсестры.

– Спасибо, – пробормотала Эйприл раздраженным тоном.

– Что, черт возьми, это значит? – рявкнул Лэндон. – Почему она назвала тебя миссис Харрисон?

– Думаю, мы все знаем, что такое брак, Лэндон.

Она выпрямилась, но этого все равно оказалось недостаточно, чтобы встретиться с Лэндоном лицом к лицу.

– Мы с твоим отцом любим друг друга. Мы были в отношениях какое-то время, и, когда бракоразводный процесс завершился, наконец смогли пожениться.

– Почему я думаю, что это чушь собачья? – пробормотал он. – К черту это. Я здесь не для того, чтобы говорить о чертовом цирке, который вы устроили. Я приехал, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Итак, извини, но я иду к отцу.

Он взял меня за руку и потащил в сторону от Эйприл и ее откровений.

Мы направились в палату его отца, но, оказавшись у двери, я остановилась.

– Я подожду здесь.

– Ты можешь войти, – предложил он.

– Я думаю, вам нужно побыть наедине.

– Пожалуйста, Шей, – тихо сказал он. – Ты нужна мне там.

Я не могла ему отказать. Если он нуждался во мне, я была готова последовать за ним на край света.

– Хорошо, – я кивнула, сжав его руку. – Я буду рядом.

Глава 5

Лэндон

Папа лежал на больничной койке и выглядел совершенно опустошенным. Думаю, что выглядеть так, словно ты попал в ад, а потом снова вернулся на Землю, – обычное дело после сердечного приступа.

Шей вошла со мной и встала в углу палаты, не желая мешать моему общению с отцом. Во всяком случае, она была рядом. Мне было легче дышать от одной мысли о том, что она в комнате.

– Привет, пап.

Подходя к его постели, я поморщился.

Он посмотрел на меня и фыркнул, прежде чем повернуться лицом к окну. Вокруг него пищала аппаратура, повсюду тянулись провода. Из его носа торчали кислородные трубки, и каждый вдох, казалось, давался ему с трудом.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнул он так, будто произнести эти слова стоило ему как минимум трех лет жизни.

– Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Эйприл написала мне и...

– Я сказал ей этого не делать.

Он нахмурился.

– К счастью, она это сделала.

Он поерзал в постели и что-то проворчал себе под нос.

– Кто эта девушка?

Я посмотрел на Шей, нервно выглядывающую из-за угла.

– Она моя девушка.

До этого момента мы не использовали слова «девушка» или «парень», но я решил, что имею на это право – было совершенно очевидно, что Шей моя, а я – ее. Просто до этого мы не нуждались в ярлыках.

Папа посмотрел на Шей сверху вниз и покачал головой:

– Думаешь, ты достаточно хорош, чтобы сделать девушку счастливой?

Да пошел ты, папа.

Я прочистил горло и сунул руки в карманы, не желая быть жестоким по отношению к человеку, у которого только что случился сердечный приступ, пусть и жестокому со мной.

– Да, – выпалила Шей громким и строгим голосом. – Более чем достаточно.

– Подожди, пока он сломается, – пробормотал он, закрывая глаза. – Будь готова к тому, что однажды он сломается и ты останешься один на один с его хаосом.

Шей шагнула вперед, чтобы ответить отцу, но я остановил ее движением руки. Не важно, что он думает. Он просто старик с холодным сердцем. Он никогда меня не понимал – и никогда не поймет.

Тем не менее я не мог его не проведать. Может, это глупость, но, даже не любя своего отца, я все равно беспокоился о его состоянии.

– Надеюсь, ты пришел, чтобы сообщить, что поступаешь на юридический и возвращаешься к работе в фирме. Если нет, то уходи, – сказал он мне. – Мне не нужна жалость от самого жалкого человека в мире.

– Я актер, папа, и только что получил главную роль в большом фильме. Я не собираюсь быть юристом. И никогда не собирался.

– Что заставляет тебя так довольствоваться своей посред-

ственностью? – проворчал он.

– Он не посредственный, – вставила Шей, подходя к его постели.

– Шей, все в порядке.

– Нет, это не так. Так с тобой разговаривать – неправильно и нечестно. Мистер Харрисон, ваш сын невероятно талантлив, и он идет своим путем. То, что он не соответствует вашим собственным ожиданиям, не означает, что он не достигнет успеха. Как только Лэндон узнал о случившемся, он забыл о всех обидах и помчался к вам – потому что он о вас беспокоится. С вашей стороны ужасно жестоко обращаться с ним таким образом.

– Девочка, я не знаю, кем ты себя возомнила, но ты лезешь не в свое дело, – предупредил папа.

– Как и вы, – ответила Шей, выпрямляясь.

Если она и нервничала, то не показывала этого. Она держалась твердо и стойко.

Я прочистил горло:

– Слушай, ты через многое прошел, так что мы больше не будем тебя отвлекать. Я рад, что ты в порядке, папа. Желаю тебе всего наилучшего.

– Не называй меня папой. У тебя нет никакого стремления вернуться к своим семейным корням, следовательно, ты мне больше не сын. Ты для меня никто. Не возвращайся сюда. Я больше не хочу тебя видеть.

Он молча отвернулся и уставился в окно.

Шей посмотрела на отца, сбитая с толку его холодностью, но для меня это было не в новинку. В нашу последнюю встречу он сказал, что не удивится, если я покончу с собой. Я не был шокирован тем, что он остался таким же резким – даже после того, как едва не умер.

Сердце моего отца повредилось задолго до приступа.

Мы развернулись, чтобы уйти, но отец снова заговорил:

– Он сделает тебе больно, и в конце концов ты останешься в дураках.

Слова явно были адресованы Шей – его последняя попытка меня ранить. Я взял Шей за руку и увидел в ее глазах огонь – она была готова драться, но оно того не стоило. Он того не стоил.

Когда мы вышли из комнаты, нас встретил встревоженный взгляд Эйприл:

– Вы его не утомили? Его сердце уже столько пережило.

Ему не нужен дополнительный стресс.

Я не сказал ей ни слова.

Я все еще прокручивал в голове папины нападки.

Не позволяй его словам засесть в твоей голове, Лэндон.

Будь выше этого. Будь сильнее.

Шей бросила на Эйприл взгляд, полный отвращения, и наклонила голову, прищурившись:

– Надеюсь, ты никогда не изменишься, потому что отец Лэндона не выносит людей, способных на личностный рост. В противном случае будь осторожна. Ему нужно только то,

что согласуется с его собственными ожиданиями.

Мы ушли, оставив ошеломленную и растерянную Эйприл в пустом коридоре.

Что бы ни случилось с моим отцом, это ее проблемы.

Когда мы вышли на свежий воздух, лучи утреннего солнца скользнули по нашей коже. Шей крепко меня обняла.

– Мне очень жаль, Лэндон. Я и подумать не могла, что твой отец – самый настоящий монстр. Трудно поверить, что он остался таким жестоким даже после того, что с ним произошло. Мне казалось, что близость смерти смягчает людей.

– Мой отец способен на смирение так же, как на любовь, то есть не способен вообще.

– Он наговорил тебе ужасных вещей.

– Ох, если бы я получал по доллару каждый раз, когда отец говорил мне что-то жестокое, я был бы достаточно богат, чтобы не обращать на него внимание, – пошутил я.

Я потянулся вперед, чтобы открыть пассажирскую дверь ее машины, но Шей остановила меня, положив руку мне на плечо.

– Лэндон, ты же знаешь, что все, что он сказал, – неправда, да?

– Все в порядке, Шей. Это просто слова. Ничего больше.

– Да, но, пожалуйста, пообещай мне, что ни на секунду не поверишь в то, что он говорил.

Я одарил ее нерешительной улыбкой. Она нахмурилась, взяла обе мои руки в свои и приложила их к моей груди. Она

повторяла слова, которые сказала мне в ту самую ночь, когда я впервые показал ей свои шрамы.

– Ты умный. Ты талантливый. Ты красивый. Ты хороший, Лэндон Харрисон. Ты такой хороший, что одна мысль о том, что кто-то в этом мире может думать иначе, причиняет мне боль.

Боже. Как она это сделала? Как она смогла успокоить мои беспорядочные мысли?

– О чем ты думаешь? – спросила она, глядя на меня своими шоколадными глазами. – Что происходит в твоей голове?

Я тяжело сглотнул, проведя ладонью под носом.

– Почему меня так волнует тот, кто даже меня не любит? Почему его слова ранят меня сильнее всего?

– Потому что ты его любишь, – ответила она. – Даже когда тебе больно, ты его любишь. В этом проблема любви – ее нельзя «отключить» только потому, что она невзаимна.

– Ты все еще любишь своего отца? После всего, что он сделал с твоей семьей?

– Некоторые его части, – Шей кивнула. – Не важно, хочу я этого или нет, но в нем есть частички, которые я люблю, не говоря уже о воспоминаниях. Когда я была маленькой девочкой и мы лежали на траве, указывая пальцем в небо и обсуждая, на что похожи облака. Когда он возвращался домой после долгого отсутствия, заходил в мою комнату и целовал меня в лоб. Когда он помогал мне писать сценарии или давал советы по актерскому мастерству. Я люблю его частич-

ки, люблю воспоминания о нем, но также я люблю себя. Поэтому я не позволю ему вернуться, не подпущу его достаточно близко, чтобы у него появилась возможность снова оказывать на меня влияние. Моя любовь к отцу останется в этих воспоминаниях. Они покоятся в прошлом, и я отказываюсь впускать их в свое будущее.

– Как ты стала такой умной?

Она улыбнулась, и я невольно улыбнулся ей в ответ.

– Мы с Мимой часто смотрим «Доктора Филадельфии»¹⁵.

– Это многое объясняет.

– Правда, Лэндон, не позволяй нападкам твоего отца тебя задеть, ладно? Я знаю, что на деле это непросто, но все-таки постарайся – ради себя.

Приобняв Шей, я поцеловал ее в лоб.

– Договорились. А теперь мы можем куда-нибудь поехать и позавтракать? Я ужасно голодный.

Она продолжала смотреть на меня прищуренными глазами, игнорируя мои слова и явно пытаясь пробраться в мои мысли.

Не смотри слишком пристально, Цыпа. Ты не найдешь там ничего хорошего.

Я улыбнулся и подтолкнул ее локтем.

– Еда, – взмолился я. – Пожалуйста.

Она перевела на меня свой тяжелый взгляд и кивнула:

¹⁵ Филлип Кэлвин «Фил» Макгроу – американский психолог, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил».

– Да. Конечно.

Мы уселись в машину, и я включил музыку. Спустя несколько минут Шей во всю пританцовывала и фальшиво подпевала – и я вместе с ней. Я знал, что она беспокоится обо мне и моих мыслях.

Несмотря на то что я пел и улыбался, мой разум снова и снова прокручивал слова папы.

Ты мне не сын.

Будь готова к тому, что однажды он сломается и ты останешься один на один с его хаосом.

Эти фразы крутились в моей голове, пока я подпевал какой-то песне из топ-40.

Еще одна характерная черта тревожности и депрессии – время от времени приходится прятаться за масками, оберегая близких от ваших собственных страданий. Масками, защищающими их от вашей внутренней боли.

Итак, я надел маску.

Я притворился, что со мной все хорошо. Я не хотел, чтобы она волновалась. Я не хотел, чтобы она знала о том, что мой искаженный разум погружен в полный мрак. И это сработало. Чем дальше мы ехали, тем спокойнее становилась Шей. Она расслабилась и перестала смотреть в мою сторону, пытаясь понять, все ли со мной в порядке.

Проблема с масками заключается в том, что рано или поздно они начинают трескаться. Они трескаются, а затем разбиваются – и когда это случится со мной, Шей увидит на-

стоящего, изувеченного меня.

Скоро я ее сниму. Скоро я позволю себе дышать, не при-
творяясь, будто со мной все в порядке, – но только не рядом
с Шей. С ней я буду нормальным. Я буду счастливой версией
себя и не покажу ей свои шрамы. Нам было дано так мало
времени, и я не хотел портить его тяжелыми разговорами о
моей сломанной психике.

Она заслуживала счастливую версию Лэндона, и я ее дал.

По возвращении в Лос-Анджелес я собирался позволить
себе развалиться на части в подходящем для этого месте:
в кабинете доктора Смит, где это не только разрешалось, но
и поощрялось.

*Тебе придется снести несколько заборов, чтобы добраться
до самых зеленых полей, Лэндон.*

Я планировал снести все, потому что, достаточно порабо-
тав над собой, я бы смог сосредоточить все внимание на нас
с Шей. А до тех пор мне приходилось по одной разбирать
коробки с хламом у себя в голове, вываливая его на нужных
людей, а не на Шей.

Мы остановились перекусить, и я уверенно держал свою
маску.

Когда мы почти добрались до дома, зазвонил телефон, и
на экране появилось имя Эйприл. У меня в животе образо-
вался узел, я выключил радио, и фальшивое, но очарователь-
ное пение Шей прекратилось.

– Да? – ответил я.

Поначалу Эйприл ничего не говорила. Все, что я слышал, – безудержные рыдания. Что за черт?

– В чем дело? – спросил я.

– Ты! – воскликнула она. – Ты это сделал. Это твоя вина, – кричала она, срывая голос.

Погодите, что?

Она кричала в трубку о том, что после нашего ухода у него случился еще один обширный приступ и остановка сердца.

Он умер через тридцать минут после того, как я вышел из больницы. Телефон выпал из моей руки и ударился о коврик.

– Что такое? – спросила Шей, глядя в мою сторону. – В чем дело?

– Мой отец, – выдавил я.

– Да? Что случилось? Он в порядке? Нам нужно вернуться?

– Нет, – я покачал головой, чувствуя, как к горлу начинает подниматься кислота. – Он умер.

*

Мне пришлось позвонить маме, чтобы сообщить ей новости об отце. Узнав о случившемся, она заплакала – заплакала так, словно у нее отняли часть души. Так же как плакала Эйприл. Даже после всего, через что этот мужчина заставил пройти мою мать, у нее все еще хватало слез, чтобы его оплакивать.

Я не плакал. Я должен был сломаться, но не сломался. Я не чувствовал грусти. Я не расстроился. Я не чувствовал себя

подавленным.

Я вообще ничего не чувствовал.

Онемение поглотило меня целиком.

Шей отвезла меня к себе домой, и я видел, как она переживает, но ничего с этим не делал. Я не мог говорить. Слова казались слишком утомительными.

Она сидела передо мной на кровати, а я смотрел вперед – в одну точку.

– Как я могу тебе помочь? – спросила она, проводя руками вверх и вниз по моим бедрам. – Что мне сделать?

Я покачал головой.

Ничего. Она ничего не могла сделать.

Так бывает. Иногда все, что можно сделать, – сидеть на одном месте. Мы сидели.

Мы легли.

Она уснула.

Я – нет.

Глава 6

Шей

Он молчал больше суток.

Когда мать Лэндона позвонила ему, чтобы узнать, как он, мне пришлось ответить за него, потому что Лэндон не вставал с кровати. Она была за границей и изо всех сил старалась

успеть на ближайший рейс, но даже в таком случае она оказалась бы здесь не раньше завтрашнего дня.

– Что нам делать? – прошептала Рейн, пока она, Хэнк, Эрик и я сидели в гостиной. – Ему нужно что-то съесть. Он не выходит из комнаты с тех пор, как вы приехали.

– Я знаю, но он не двигается с места. Он не разговаривает. Он словно окаменел. Я была удивлена, когда он встал, чтобы пойти в туалет, – ответила я.

– Его отец был придурком, – проворчал Хэнк. – Он обращался с Лэндоном как с дерьмом.

– Да, но он все равно его любил, – ответила я.

Эрик нахмурился и почесал затылок. Он учился в Висконсине и примчался сразу же после того, как Рейн сообщила ему о том, что произошло. Грейсону пришлось задержаться – он решал некоторые личные проблемы, но тоже собирался приехать как можно скорее.

– Я боюсь, что это отразится на нем, на его психике. Вы знаете, чем это может обернуться для Лэндона. Он прошел через столько дерьма, и наконец ему стало лучше. Он шел на поправку, но я чувствую, что случившееся может свести его прогресс на нет, – сказал Эрик. – Он зашел так далеко, но черт возьми. Это тяжело. Я не знаю, сможет ли он все это выдержать.

– Я в порядке.

Мы все повернулись к Лэндону, стоящему в коридоре. Руки засунуты в карманы, а плечи сгорблены.

– Вам не нужно об этом беспокоиться, – добавил он, постукивая пальцами по голове. – Я в порядке.

– Чувак, тебе не обязательно делать вид, что все хорошо, – ответил ему Хэнк. – Твой отец скончался, и это непросто пережить.

– Как ты и сказал, Хэнк, он был придурком и обращался со мной как с дерьмом. Мне лучше без него. Он сам не хотел меня любить.

Эти слова болезненно отозвались в моем сердце. Я встала и подошла к Лэндону:

– Что мы можем сделать? Как мы можем помочь?

– Для начала вы все можете перестать хандрить, – произнес он, потирая рукой под носом. – Я в порядке. Эрик, я знаю, ты проделал долгий путь, но в этом не было необходимости. Я уже отправил Грею сообщение и сказал ему не приезжать. У него достаточно собственных проблем – ему не нужны еще и мои. Я просто немного посплю. Вы все можете идти домой.

Он развернулся и направился обратно в мою спальню.

Я оглянулась на наших друзей, мрачно смотревших вслед Лэндону.

– Мы остаемся здесь, – строго сказал Эрик. – И никуда не уезжаем. А теперь давай, – он указал на коридор, – иди и позаботься о нашем мальчике.

Я кивнула в знак согласия и повернулась, чтобы пойти в спальню. Каждый шаг казался невыносимо тяжелым. Я не

знала, как помочь Лэндону, как дать ему то, в чем он нуждался, потому что он ничего не говорил. Он не открывался. Он не впускал внутрь ни меня, ни кого-либо другого.

Когда я вошла в комнату, я увидела его свернувшимся в клубок. Он лежал с закрытыми глазами и обнимал одну из моих подушек. Он выглядел таким хрупким, таким разбитым.

Я заползла на кровать и легла позади него. Обвив его своим телом, я прижалась к нему, чувствуя его холодную кожу.

– Тебе не обязательно это делать.

– Делать что?

– Держать меня.

В этот момент я прижалась к нему сильнее. Я знала – в моменты, когда люди говорят, что их не нужно держать, это необходимо им больше всего. Так было с моей мамой, когда она плакала ночами из-за предательства отца. Я забиралась к ней в постель, заключала ее в свои объятия и крепко прижимала к себе.

То же самое я сделала для Лэндона, про себя думая о словах Мимы.

Sé valiente. Sé fuerte. Sé amable. Y quédate.

Будь храброй. Будь сильной. Будь доброй. И оставайся.

*

О дате похорон Лэндона не уведомили. Эйприл не отвечала на его сообщения, поэтому нам пришлось искать информацию самостоятельно. Когда Лэндон, его мама и я пришли

в церковь, где проходили похороны, нас почти сразу остановили.

– Нет, – заявила Эйприл в своем траурном наряде.

Судя по ее опухшим глазам, она провела не одну бессонную ночь. Тем не менее ее волосы были собраны в безупречный пучок.

– Вам нельзя здесь находиться.

Лэндон засунул руки в карманы серых брюк и пожал плечами:

– Он был моим отцом. Думаю, у меня больше прав присутствовать здесь, чем у тебя.

– Ральф бы этого не хотел, – возразила она.

Выпрямившись и расправив плечи, мать Лэндона шагнула вперед:

– Не тебе решать, чего он хотел, а чего нет.

– Тебе определенно нечего здесь делать, – огрызнулась Эйприл, оглядывая мать Лэндона с ног до головы. – Ты последний человек, которого он хотел бы видеть.

– Я была его женой двадцать лет. А ты, кем была ты? Трахалась с ним двадцать дней?

– Как насчет семи лет?– выплюнула Эйприл ядовитым тоном. – И единственная причина, по которой ему удавалось терпеть тебя последние несколько лет, заключалась в том, что, в очередной раз устав от тебя, он приходил ко мне.

– Я так и знала, – пробормотала Лори, раздувая ноздри.

Губы Эйприл изогнулись в злорадной улыбке – она чув-

ствовала себя победительницей, наконец-то озвучив правду о своем романе с отцом Лэндона. Я не понимала, почему ей это нравится. Разве можно быть настолько счастливой только потому, что ты причинила другому человеку боль?

– Ты отвратительна, – выплюнула Лори.

– Как скажешь. Во всяком случае, я не такая, как ты, – ответила Эйприл.

Лэндон шагнул вперед, смерив Эйприл горящим от злости взглядом:

– Еще одно оскорбительное слово в адрес моей матери, и, клянусь, ты за это заплатишь.

– Лэндон, – Лори остановила его жестом руки. – Не нужно.

Он что-то пробормотал, но сделал шаг назад, прислушавшись к просьбе матери.

– Я уйду, но пусть Лэндон хотя бы засвидетельствует свое почтение отцу, – попросила Лори.

Она продолжала сохранять спокойствие – думаю, на ее месте мне бы это не удалось.

– Как я и сказала, нет. Никому из вас здесь не рады. Лэндон виноват в смерти отца. Он последний, кто с ним разговаривал, и именно его слова довели Ральфа до сердечного приступа.

– Не смей нести эту чушь о моем сыне. Он не виноват в том, что произошло, – рявкнула Лори, повысив голос до такой степени, что все вокруг посмотрели в нашу сторону.

Эта стало последней каплей – ее глаза вспыхнули гневом:

– Если ты еще раз такое скажешь, я вырву всю эту чертову клевету вместе с твоим языком.

– Что ж, – Эйприл поджала губы. – Ральф всегда говорил, что вы двое токсичны, и сегодня он точно не хотел бы видеть вас рядом. Так что уходите.

Несколько секунд Лори и Эйприл молча стояли нос к носу, тяжело дыша.

Наконец Лэндон дотянулся до руки матери и осторожно до нее дотронулся:

– Все в порядке, мам. Пойдем. Она права – он бы не хотел, чтобы я здесь был. Честно говоря, я тоже этого не хочу.

Мое сердце болело за Лэндона – я точно знала, что это неправда. Я знала, как дорог был ему отец – человек, который не любил его так, как он того заслуживал. Я знала, какую боль Лэндону принесла его смерть, в особенности учитывая их последний разговор. И я была уверена, что он хотел получить шанс сказать отцу хорошие слова – шанс в последний раз сказать ему правду, которого он лишился.

Жизнь несправедлива ко многим людям, но я уверена, что наибольшая несправедливость выпала на долю Лэндона Харрисона.

Ему становилось лучше, он все чаще говорил о будущем – о нашем будущем, – но за последние дни его взгляд отяжелел. Я видела, как что-то гложет его изнутри, хотя он ничего не говорил. Я видела его раны, хотя он их прятал. Он держал

свою боль взаперти.

Он даже не плакал, подумала я, сидя в машине.

Это было самым страшным – то, что смерть отца не вызвала у Лэндона никаких эмоций. Словно ничего не произошло. Он не давал своим чувствам выйти наружу, и это меня пугало. Он копил их внутри.

А такое никогда не заканчивалось хорошо.

*

– Я переночую в отеле с мамой, – сообщил мне Лэндон после ужина.

Как и в предыдущие дни, он почти ничего не ел. Я беспокоилась, но едва ли могла что-то с этим сделать. Мима передала ему несколько контейнеров, чтобы он съел хоть что-то, но он и к ним не притронулся.

Это был дурной знак. Лэндон отказался от бабушкиной еды.

Он стал таким немногословным. Таким холодным.

– Эй, это ведь твоя последняя ночь здесь, да? Ты улетаешь утром? – спросила я, стараясь не выдавать свою боль.

– Ага.

– Ты уверен, что не хочешь побыть здесь немного дольше? Я могу о тебе позаботиться. Только представь... – Я улыбнулась, подошла к нему и положила руки ему на плечи: – Завтрак в постель, массаж, объятия – в любой нужный и ненужный момент.

Я провела пальцами по его коже, и он одарил меня уста-

лой, натянутой улыбкой:

– Я бы хотел, но нужно возвращаться к работе. Мой менеджер уже выносит мне мозг из-за того, что мы опаздываем со сроками.

Меня переполняло разочарование, но я изо всех сил старалась этого не показывать. Он через многое прошел. Не стоило заставлять его чувствовать вину еще и за то, что я буду скучать.

– Хорошо, ничего страшного.

Он одарил меня еще одной улыбкой, на этот раз чуть более искренней.

– Я хотел бы остаться на ночь, но, думаю, после сегодняшнего дня мне стоит побыть с мамой.

– Я понимаю, понимаю. Она нуждается в тебе, а ты нуждаешься в ней. Не беспокойся, езжай.

Он притянул меня к себе, чтобы обнять, и я крепко к нему прижалась.

– Спасибо тебе за все, Шей. Ты делаешь все возможное.

Я прислонилась головой к его груди:

– Как твое сердце?

Он не ответил, просто наклонился и поцеловал меня в лоб.

– Мне пора идти. Не беспокойся обо мне.

– Ты знаешь, что я все равно буду.

– Но все-таки попробуй. – Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы. – Я люблю тебя – дважды.

– Я люблю тебя дважды, – эхом повторила я, не отрываясь от его губ. – Лэнд?

– Да?

– Не дай своим мыслям нас разлучить. Я всегда буду рядом, в любую минуту, когда это тебе понадобится. Всегда.

Мы попрощались, и я наблюдала из-за угла, как он садится в машину и уезжает. Меня охватило волнение. Он уехал с беспокойным разумом и тяжелым сердцем, и я понятия не имела, найдет ли он дорогу обратно. На днях мы говорили о нашем будущем, о сокращении пропасти между нами, но сейчас я чувствовала, что эта пропасть снова увеличилась.

И мысль о том, что Лэндон снова от меня отделился – как физически, так и духовно, – разбивала мне сердце.

Глава 7

Лэндон

Когда я вошел в кабинет доктора Смит, она не закинула ноги на стол. Она не подбрасывала в воздухе мячик и не улыбалась своей глупой улыбкой. Она не попросила меня назвать три хорошие вещи, которые произошли за последние сорок восемь часов, и я был за это благодарен.

Мне нечего было сказать.

Она сидела и смотрела на меня так, словно хотела забрать-ся мне в голову и понять, как сильно меня надломила смерть отца. Ответ: очень.

Раны оказались настолько глубоки, что больше всего мне хотелось притвориться, будто их не существует.

– Лэнд?

– Пустота, – оборвал я ее.

– Что?

– Вот что я чувствую. Я чувствую себя опустошенным. Я не знаю, действуют ли мои лекарства, потому что я ничего не чувствую. Только пустоту.

Она кивнула:

– Отчаяние – нормальное чувство после смерти близкого человека.

– Нет. Вы меня не поняли. Я сказал, что чувствую пустоту, а не отчаяние.

– Да, я знаю, но иногда эти две вещи легко перепутать.

– Не решайте за меня, что я чувствую! – рявкнул я, вцепившись руками в подлокотники.

Мгновенно почувствовав сожаление, я закрыл глаза.

– Извините. Я не хотел срываться.

– Нет, это хорошо. Гнев – это хорошо. Знаешь почему? Потому что, если ты срываешься, значит, ты не опустошен. Я думаю, что твои чувства противоположны пустоте, Лэндон. Я думаю, ты чувствуешь слишком много. Прямо сейчас ты

испытываешь все существующие на свете эмоции и не можешь с ними справиться. Ты находишься в режиме перегрузки, и из-за этого тебе кажется, что ты не способен ни на что повлиять.

– Как мне это исправить? – прошептал я сквозь стиснутые зубы. – Как мне исправить себя?

Она вздохнула и потерла лоб:

– В первую очередь тебе нужно осознать, что ты не сломлен – ты скорбишь.

Я позволил этим словам проникнуть в мое сознание и потерзал на месте.

Так ли это? Горевал ли я по человеку, который не хотел меня знать, пока был жив?

Нет. К черту его.

К черту его за то, что он не хотел меня знать, к черту его за то, что ему было все равно, и к черту его за то, что он умер.

– Это лекарства, – прокомментировал я, сцепив пальцы.

– С лекарством, которое ты принимаешь, все в порядке.

– Не знаю. Может, стоит попробовать что-нибудь еще, – проворчал я, почесывая шею.

– Дело не в лекарстве, – еще раз заявила доктор Смит.

– Откуда вам знать? Вы не я.

– Как ты чувствовал себя до того, что случилось с твоим отцом?

Я перебрал в памяти дни, предшествовавшие смерти от-

ца. Я думал о Шей и ее улыбке, о том, как мы смеемся, целуемся, занимаемся любовью. О том, как хорошо, как легко было рядом с ней. Об актерских возможностях, которые мне открылись, о том, как сбываются мои мечты, о том, что у меня появились чертовы мечты. У меня. Настоящие мечты. Раньше я жил только кошмарами.

Последние несколько недель я не чувствовал ничего, кроме настоящей жизни.

Я опустил голову и устался на ковер.

– Это горе? – спросил я.

Она кивнула:

– Да. Это горе.

Черт.

Я так надеялся, что смогу принять лекарство, чтобы просто избавиться от этой боли.

Кто знает, сколько времени это займет? У меня нет ни времени, ни сил справляться с горем. Итак, в таком случае я поставлю его на паузу и задвину в самый дальний угол. С головой уйду в работу и персонажей, которых должен буду сыграть.

По крайней мере, это позволит мне хотя бы ненадолго забыть о том, каково это – быть мной.

Я прочистил горло:

– Я не думаю, что хочу продолжать.

– Продолжать что?

– Продолжать наши встречи. Мой рабочий график стал

довольно загруженным, и у меня просто не хватает времени на терапию.

– Что? Лэндон, нет. – Впервые за все время доктор Смит выглядела обеспокоенной. – Сейчас это нужно тебе больше, чем когда-либо раньше. Я вижу, что с тобой происходит. Ты чувствуешь, что мир вокруг тебя рушится, но это не так. Ты добился больших успехов. Не отступай. Давай продолжим распаковывать эти коробки.

В моей памяти всплыло одно из последних замечаний отца в мой адрес.

Будь готова к тому, что однажды он сломается и ты останешься один на один с его хаосом.

Я не хотел в это верить. Не хотел ломаться и причинять другим людям боль. Не хотел быть слабым ничтожеством, каким меня называл папа. Я не хотел быть похожим на Ланса.

В последнее время мне стало трудно дышать, и я знал, что это означало – я оказался в нескольких шагах от того, чтобы снова начать двигаться по спирали. Вниз, вниз, вниз, обратно во тьму. Но я не хотел этого допускать. У меня не было времени на горе или на очередной заурядный приступ депрессии, и я знал, что если я продолжу копать в своем дерьме с доктором Смит, то еще больше погружусь в чувства, которые хочу держать под замком.

Я не хотел переживать свою травму. Я хотел стать лучше. *Я думал, что мне становится лучше.*

– Это к лучшему, док. Спасибо за все, что вы сделали, – сказал я, вставая со стула и направляясь к выходу.

– Лэндон, подожди. Пожалуйста, – умоляла она.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее.

Она вздохнула, и ее глаза заблестели:

– Ты хороший человек, который заслуживает счастливой жизни. Не отказывайся от этого. Не проигрывай этот бой. Если ты оттолкнешь меня, доверься кому-то другому. Найди кого-нибудь, кому сможешь открыться. Отгородиться от мира и заставить себя поверить в то, что ты один, легко, но это не так. Даже в темные дни всегда есть кто-то, кто протягивает тебе руку.

– Ага. Хорошо.

– Не забывай, – она улыбнулась мне грустной улыбкой, – моя дверь всегда открыта.

Выйдя из кабинета доктора Смит, я надел маску. И это моя ошибка. Я носил ее так долго, что маска стала частью меня. Фальшивая улыбка, фальшивый смех, фальшивая жизнь – все для того, чтобы скрыть боль, переполняющую меня изнутри. К счастью, я был актером в Голливуде – столице фальши. Я мог притворяться сколько угодно, и никто бы и глазом не моргнул. Для них я был Лэндоном Пейсом – беспечным актером, но я знал, что маска не сможет спасти меня вечно. Несмотря ни на что, маски всегда трескаются.

И когда этот момент наступил, моя маска разлетелась на миллионы кусочков.

1 августа 2005 г.

Сатана!

Хей, я решила вернуть нашу традицию и отправить письмо, хотя я пишу тебе сообщения каждый божий день. Трейси вернулась из-за границы, и, по-моему, между нами что-то не так. Может, я все это выдумала, но мне кажется, что она постоянно огрызается и критикует каждое мое слово. Это мелочи, но с каждым днем их становится все больше и больше. На днях она накричала на меня, потому что я допила молоко и не успела купить новую упаковку. И все эти мелочи меня ужасно раздражают.

Например, если я скажу, что мне нравится свитер, она назовет сотню причин, по которым он мне не подходит. «Твои плечи будут выглядеть слишком громоздкими. Цвет не сочетается с твоей кожей». Сплошной негатив.

Рейн сказала, что наши с Трейси отношения всегда были такими. Думаю, я просто не обращала на это внимания, а сейчас она вернулась, и я посмотрела на нее свежим взглядом. Мама сказала, что с возрастом люди меняются и, возможно, мы с Трейси просто двигаемся в разных направлениях.

К слову, я все-таки купила этот свитер – с громоздкими плечами и так далее.

Как ты? Как Сара Симс?! Ты сказал ей, что я ее обожаю? Ты попросил ее автограф? Ты предложил ей на мне

жениться? Жду положительный ответ на все вышеперечисленное.

Как насчет того, чтобы я приехала к тебе в гости? Я напишу, когда смогу вырваться с учебы. В конце концов, можно приехать и на выходные.

Я скучаю по тебе, Лэндон.

Не могу дождаться, когда мы снова окажемся в одном часовом поясе.

Цыпа.

P. S. Сладости для моего Сладкого. Но, думаю, тебе не следует их есть – они остались с прошлого Дня святого Валентина. Хэнк подарил их Рейн, а она их так и не выбросила. Так что не советую их пробовать – если только тебя не интересуют конфеты семимесячной давности.

ОТ: ShayGable@gmail.com

КОМУ: Harrison.Landon@gmail.com

ДАТА: 1 сентября 2005 г., 16:23

ТЕМА: Как твое сердце?

Сатана!

Эй, ты. Я отправила тебе блокнот около месяца назад и только недавно поняла, что тебя, возможно, даже нет дома и ты не сможешь его забрать. Все время забываю про твой безумный рабочий график. Я даже не знаю, когда ты

вернешься домой и проверишь почту.

В блокноте я описала все новости из моей жизни. На мой взгляд, это не слишком интересно. В основном я хотела проведать тебя и узнать, как ты чувствуешь себя после потери отца. Надеюсь, ты о себе заботишься. Ты можешь связаться со мной в любое время. Не важно, днем или ночью.

Это просто короткое и милое письмо. Представь, что я посылаю тебе жевательных червячков. Они тоже короткие и милые.

Цыпа.

P. S. Как твое сердце?

P. P. S. Я знаю, что это глупо, и я уверена, что ты в порядке, но если нет – пожалуйста, дай мне знать. Я люблю тебя и начинаю волноваться.

Шей: Привет, Лэндон. Я пишу, чтобы узнать, в порядке ли ты. Прошла неделя с тех пор, как я отправила письмо по электронной почте, поэтому я решила отправить еще и сообщение. Все хорошо?

*

Шей: Эй. Прошло больше месяца с тех пор, как я получила от тебя весточку. Пожалуйста, ответь. Я схожу с ума.

*

Шей: Шесть недель и четыре дня. Где ты? Не знаю, как связаться.

*

Шей: Два месяца. Я чувствую, что ты закрываешься от меня, Лэндон, и это меня пугает. Мы проделали такой долгий путь. Я знаю, что ты все еще страдаешь после смерти отца, но, пожалуйста, знай, что ты всегда можешь со мной поговорить. Ты можешь открыться мне – так же как раньше. Я всегда буду рядом. Пусть даже не в романтическом ключе, а как друг. Ты мой лучший друг, Лэндон, и мое сердце болит от одной мысли о том, что тебе плохо.

Если ты не можешь поговорить со мной, пожалуйста, дай знать, что рядом с тобой есть кто-то, кому ты можешь довериться. Пожалуйста, дай знать, что ты не тонешь в своих мыслях. Ты нужен нам здесь, Лэндон. Не позволяй депрессии затянуть тебя на дно. Ты сильный, и ты не один. Даже если иногда тебе кажется, что это так. Я люблю тебя – дважды. Пожалуйста, напиши мне.

*

Шэй: Я смотрела твое интервью и видела фальшь в твоей улыбке. Я не знаю, что происходит, Лэндон, но я вижу, что тебе больно. Тебе не нужно притворяться со мной. Если в этом мире и есть человек, с которым ты можешь быть настоящим, то это я. Я видела твои шрамы, и они меня не пугают. Вернись ко мне и позволь себе выпустить боль. Я не дам тебе упасть. Я здесь.

Глава 8

Шей

Одним ноябрьским днем я подошла к почтовому ящику, чтобы посмотреть, не пришло ли письмо от Лэндона. Я по-

стоянно проверяла почту, хотя и знала, по каким дням почтальон доставляет письма.

Все еще ничего.

Очередной укол разочарования обжег мое сердце, и, направившись к дому, я остановилась у самого крыльца. На ступеньках сидел мальчик. Мой мальчик.

Мое сердце едва не остановилось, и я бросилась к нему. Его плечи были сторблены, а голова низко опущена – он, не моргая, смотрел на свои ботинки. Грязные каштановые волосы свисали вниз, закрывая его лицо.

– Лэндон... что ты здесь делаешь? – спросила я, пытаюсь справиться с миллионом мыслей, пролетающих в моей голове.

Какая разница, как он здесь оказался? Я просто хотела обнять его – очень, очень крепко.

– Он сказал, что я сломаюсь. Я не хотел, – пробормотал он.

– Что ты имеешь в виду? Кто это сказал?

– Мой отец. Он сказал, что я сломаюсь и ты останешься один на один с моим хаосом. Я не хотел, чтобы это произошло, но я не знаю, куда еще мне идти, – он посмотрел на меня с застывшей в глазах болью. – Думаешь, я виноват в его смерти? – спросил он, и по его щекам покатались слезы. – Я убил своего отца?

Я бросилась к нему и обхватила его руками. От него сильно пахло виски и еще кое-чем; двумя вещами, к которым он

не возвращался уже долгое время.

О Лэндон.

Куда ты ушел и как мне тебя вернуть?

– Нет, конечно, это не твоя вина. Ни в коем случае.

– Может, он действительно хотел, чтобы я на него работал.

Может, он был бы жив, если бы я был таким, как он хотел.

– Лэндон, ты же знаешь, что это неправда. Твой отец был болен... и это не имело к тебе никакого отношения.

– Тогда почему мне кажется, что это моя вина – так же как с Лансом?

– Ты не виноват в смерти Ланса. Ни в чем из случившегося не было твоей вины.

Это происходило прямо на моих глазах... он снова погружался в свои мрачные мысли.

Он всхлипнул и потер рукой под носом, задыхаясь на каждом слове.

– Мне жаль, Шей. Я облажался, – пробормотал он. – Я не хотел, чтобы ты видела меня таким, но черт... – Он снова и снова проводил рукой по губам, а из его глаз без остановки текли слезы.

Дрожа всем телом, он рыдал, сидя на крыльце моего дома. Под кайфом, пьяный и уничтоженный.

– Пошли, – сказала я, поднимая его на ноги. Обняв его за талию, повела к двери. – Давай приведем тебя в порядок.

– Не связывайся с этим дерьмом, – пьяно прошептал он, шатаясь взад-вперед, пока я пыталась удержать его на но-

гах. – Тебе не стоит иметь дело с моим гребаным хаосом.

– Ш-ш, – шепнула я ему, зная, что в нынешнем состоянии он вряд ли способен понять, что я говорю. – Давай просто примем душ, хорошо?

Он кивнул в знак согласия.

Пока я вела его через гостиную, сидящая на диване Трейси смерила нас взглядом.

– Что происходит? – Ее глаза переместились на Лэндона: – Он пьян? Сейчас три часа дня, – заметила она. – Вторник!

– Не сейчас, Трейси, – бросила я, направляясь в ванную.

Последнее, что мне было нужно, – ее колкости. Мы зашли в ванную, и я заперла за нами дверь. Лэндон прислонился к стене, а я включила душ и убедилась, что вода достаточно теплая.

– Черт, прости, Шей. Мне очень жаль, – повторял он.

Я ничего не ответила. Помогла ему снять одежду и забраться в душ.

– Зайдешь со мной? – спросил он.

Я тоже разделась и вошла вслед за ним. Горячая вода захлестнула нас, и, взяв шампунь в руки, я начала втирать его в волосы Лэндона. Затем я намылила его тело – он все еще был не в себе и покачивался из стороны в сторону. Мой собственный разум, в свою очередь, играл со мной в игры – в сознании одно за другим возникали воспоминания из прошлого.

– Мама, что ты делаешь? – спросила я, проходя мимо

ванной.

Папа сидел в душе, сгорбившись.

– С папой все хорошо?

Он не выглядел хорошо. Его глаза были закрыты, и он медленно раскачивался взад-вперед.

– Он в порядке, Шей, – ответила мама, торопясь выгнать меня из ванной. – Возвращайся в постель. Я скоро приду.

Я попыталась оттолкнуть воспоминания, но ситуация была слишком свежа в моей памяти – сейчас я заботилась о Лэндоне так же, как мама об отце.

Пока я вела его в свою комнату и укладывала на кровать, меня преследовало жуткое предчувствие. Засыпая, он продолжал извиняться, и я обвила руками его тело, не в силах закрыть глаза. Что пережил Лэндон за последние несколько недель? Я видела его в журналах, читала его интервью – он выглядел счастливым и широко улыбался. Но в тот день у меня дома появился совсем другой человек. Мальчик, лежащий на моей кровати, был сломлен, покрыт шрамами и истекал кровью от ран, нанесенных демонами, захватившими его разум.

Было ясно, что человек, которого он показывал миру, – притворство.

Мальчик, который лежал в моей постели той ночью, был настоящим Лэндоном. Сломленным Лэндоном.

Мальчиком, который потерял отца и винил в этом себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.